

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

(направленность (профиль) / специализация)

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)**

на тему «Правовые и нравственные аспекты деятельности защитника в уголовном процессе»

Студент

А.А. Бобохонов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, А.В. Закомолдин

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Аннотация

Роль защитника, в качестве которого в подавляющем большинстве случаев в уголовном процессе выступает адвокат, переоценить весьма сложно.

Не утрачивают свою актуальность дискуссионность вопросы вступления защитника в процесс, регламентации участия защитника в стадии предварительного расследования, использования тех средств и способов защиты, которые определены действующим законодательством и т.д. Кроме того, имеет место ряд процессуальных проблем, связанных с реализацией прав и законных интересов данного участника уголовного судопроизводства, что обуславливает поиск оптимальных процессуальных решений и о предопределяет актуальность исследования данной темы работы.

Цель работы: охарактеризовать правовые и нравственные аспекты деятельности защитника в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Задачи работы: сформулировать понятие защитника как участника уголовного судопроизводства и нормативные основы его участия в уголовном процессе; рассмотреть особенности возникновения правомочий защитника в связи с вступлением в уголовное дело; проанализировать отдельные проблемы участия защитника в производстве по уголовному делу; проанализировать нравственные основы деятельности адвоката-защитника и т.д.

Вопросы, связанные с процессуальным статусом защитника на протяжении многих лет, являются предметом исследования многих учёных. Следует выделить работы таких авторов как: Барщевский М.Ю., Безлепкин Б.Т., Бойков А.Д., Закомолдин А.В., Кудряшова Е.В., Кучерена А.Г., Лазарева В.А., Ларин А.М., Попов В.С., Рыжаков А.П., Тарасов А.А., Шейфер С.А. и других ученых.

Структурно работа состоит из введения, трёх глав, разделённых на параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие защитника и правовые основы его участия в уголовном процессе.....	7
1.1 Понятие защитника как участника уголовного судопроизводства и нормативные основы его участия в уголовном процессе.....	7
1.2 Особенности возникновения правомочий защитника в связи с вступлением в уголовное дело	21
Глава 2 Анализ отдельных проблем участия защитника в уголовном процессе	34
2.1 Проблемы участия защитника в доказывании.....	34
2.2 Проблемы привлечения защитником специалиста	40
2.3 Проблемы участия защитника в производстве следственных действий	44
Глава 3 Анализ нравственных аспектов деятельности адвоката-защитника в уголовном процессе	52
3.1 Общая характеристика нравственных основ деятельности адвоката-защитника в уголовном процессе	52
3.2 Нравственные аспекты поведения адвоката-защитника во взаимоотношениях с правоохранительными органами и судом.....	68
Заключение.....	71
Список используемой литературы и используемых источников	78

Введение

Актуальность исследования. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [80] (УПК РФ) определил, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Роль защитника, в качестве которого в подавляющем большинстве случаев в уголовном процессе выступает адвокат, переоценить весьма сложно. Правовые основы участия защитника в уголовном судопроизводстве базируются на конституционной гарантии каждого гражданина на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции РФ), что, в свою очередь, вытекает из обязанности государства обеспечить надежную защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 45 Конституции РФ).

Таким образом оформлены подходы государства к пониманию содержания права на защиту и права на получение квалифицированной юридической помощи. Тем не менее, анализ существующего правового регулирования комплекса проблем, связанных с участием защитника в уголовном судопроизводстве, позволяет сделать вывод о том, что данные проблемы ещё далеки от разрешения.

Не утрачивают свою актуальность и дискуссионность вопросы вступления защитника в процесс, регламентации участия защитника в стадии предварительного расследования, использования тех средств и способов защиты, которые определены действующим законодательством и т.д.

Кроме того, имеет место ряд процессуальных проблем, связанных с реализацией прав и законных интересов данного участника уголовного судопроизводства, что обуславливает поиск оптимальных процессуальных решений и о предопределяет актуальность исследования данной темы работы.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, связанные с процессуальным статусом защитника на протяжении многих лет, являются предметом исследования многих учёных. Следует выделить работы таких авторов как: Барщевский М.Ю., Безлепкин Б.Т., Бойков А.Д., Закомолдин А.В., Кудряшова Е.В., Кучерена А.Г., Лазарева В.А., Ларин А.М., Попов В.С., Рыжаков А.П., Тарасов А.А., Шейфер С.А. и других ученых.

Объект исследования – правовые и нравственные аспекты отношений, складывающихся в связи с осуществлением защиты подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе.

Предмет исследования – нормы российского права, регулирующие основы процессуального статуса адвоката-защитника как участника уголовного процесса.

Цель исследования – охарактеризовать правовые и нравственные аспекты деятельности защитника в современном уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Задачи исследования:

- сформулировать понятие защитника как участника уголовного судопроизводства и нормативные основы его участия в уголовном процессе;
- рассмотреть особенности возникновения правомочий защитника в связи с вступлением в уголовное дело;
- проанализировать проблемы участия защитника в доказывании;
- обозначить проблемы привлечения защитником специалиста в интересах подзащитного;
- рассмотреть проблемы участия защитника в производстве следственных действий;
- дать общую характеристику нравственных основ деятельности адвоката-защитника в уголовном процессе;

- охарактеризовать нравственные аспекты поведения адвоката-защитника во взаимоотношениях с правоохранительными органами и судом.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке соответствующих научных категорий, направленная на однозначное уяснение и толкование терминов, используемых в контексте исследований процессуального положения защитника в уголовном судопроизводстве.

Практическая значимость работы обусловлена необходимостью совершенствования процессуальной регламентации положений, касающихся участия защитника в уголовном судопроизводстве, в целях создания дополнительных гарантий реализации прав и законных интересов личности, вовлекаемой в процесс производства по уголовному делу.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, логически разделённых на отдельные параграфы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие защитника и правовые основы его участия в уголовном процессе

1.1 Понятие защитника как участника уголовного судопроизводства и нормативные основы его участия в уголовном процессе

Ст. 48 Конституции РФ и 16 УПК РФ обязывают государство обеспечить подозреваемого (обвиняемого) правом на защиту – это же является одним из вышеуказанных принципов уголовного судопроизводства. Содержание этого обязательства включает право лица, привлекаемого к уголовной ответственности, пользоваться помощью адвоката – защитника. В ряде случаев, предусмотренных ст. 51 УПК РФ, участие защитника обязательно. В качестве защитника, как правило, и в целом, выступают адвокаты.

Как справедливо отмечает А.В. Закомолдин, «право на оказание квалифицированной юридической помощи в рамках уголовного процесса – очень важный аспект и роль адвоката в реализации данного конституционного права очевидна» [26, с. 125-126].

Несмотря на то что закон не запрещает подозреваемому (обвиняемому) защищаться самостоятельно, в настоящее время вряд ли можно представить ситуацию, что уголовное дело проходит без участия адвоката-защитника. Если подозреваемый (обвиняемый) не воспользовался правом на заключение соглашения с адвокатом по своему выбору, то участие адвоката будет обеспечено со стороны органов уголовного преследования или суда.

Таким образом, адвокат-защитник – это неотъемлемый субъект, или участник уголовного судопроизводства, как это формулирует законодатель.

Защитник – это лицо, осуществляющее в установленном законом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 49 УПК РФ).

Таким образом, законодатель определил родовое понятие защитника, - «как участника уголовного судопроизводства со стороны защиты, оказывающего юридическую помощь другим (основным) участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты – подозреваемому и обвиняемому» [85, с. 11].

Следует сказать о том, что по общему правилу в качестве защитника в уголовном процессе принимают участие адвокаты – то есть, лица, получившие в установленном Федеральным законом от 31.05.2002 г. №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [84] (Закона об адвокатуре) статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность.

«Именно эти лица, имеющие соответствующие образование, стаж работы по юридической специальности, сдавшие квалификационный экзамен при получении статуса адвоката, могут оказать доверителю квалифицированную юридическую помощь в условиях досудебного производства» [36, с. 11] - как отмечается в науке.

Однако, это не единственный возможный вариант, что не позволяет нам отождествлять категорию «защитник» и категорию «адвокат». В соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ: «по определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи, указанное лицо допускается и вместо адвоката».

Это означает, что в досудебном производстве, которое включает в себя стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, в качестве защитника может выступать лишь адвокат, но в судебном производстве – там, где принцип состязательности реализован максимально возможным образом, помимо адвоката к участию в процессе в качестве защитника по решению суда (судьи) могут быть допущены иные лица из числа близких родственников подсудимого, сослуживцев или знакомых, не

имеющих статус адвоката. Правда, в этом случае данные иные лица не являются собой единственного защитника, а лишь действуют наряду (вместе) с профессиональным адвокатом-защитником, оказывая лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, соответствующую помощь [15, с. 58].

Те же лица, допущенные постановлением мирового судьи при рассмотрении уголовных дел, вправе выступать в качестве самостоятельного защитника, при отсутствии адвоката.

Некоторые авторы указывают на то, что «буквально в ч. 2 ст. 49 УПК РФ не содержится прямого запрета на участие непрофессионального защитника в ходе предварительного расследования, но нет и указания на возможность привлечения защитника-неадвоката на этом этапе уголовного судопроизводства» [7, с. 60].

Тем не менее, правоприменительная практика «прочно стоит» на толковании анализируемого положения, как препятствующего участию защитника не обладающего статусом адвоката в досудебном производстве.

Основа возражений такого толкования состоит в тезисе о том, что препятствование вовлечению в процесс производства по уголовному делу защитника, не обладающего статусом адвоката, является ограничением права лица, на которое направлено уголовное преследование, защищать свои законные интересы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ).

Наличие указанной возможности на протяжении многих лет остаётся предметом дискуссии о том, обеспечивает ли участие иного лица, не обладающего статусом адвоката, реализацию права на квалифицированную юридическую помощь, гарантированного в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ.

А.Г. Волкова, при решении вопроса о круге лиц, имеющих право участвовать в уголовном процессе в качестве защитника, усматривает противоречие между двумя конституционными принципами: гарантии на получение квалифицированной юридической помощи и права обвиняемого (подозреваемого) на самостоятельный выбор защитника, поскольку право

обвиняемого (подозреваемого) на самостоятельный выбор защитника ограничивается требованием квалифицированной юридической помощи [16, с. 27].

Конституционный Суд РФ в ответе на жалобу указывает, что «право на самостоятельный выбор адвоката (защитника) не означает право выбирать в качестве защитника любое лицо по усмотрению подозреваемого или обвиняемого и не предполагает возможность участия в уголовном процессе любого лица в качестве защитника». По мнению Конституционного Суда РФ, «иные лица» должны обладать определенными критериями, позволяющими оценить способность данного лица оказать квалифицированную юридическую помощь подозреваемому или обвиняемому в уголовном процессе, а «определение таких критериев для лиц, допускаемых к оказанию юридической помощи по уголовным делам в качестве защитников подозреваемых и обвиняемых, относится к компетенции законодателя» [60].

Точки зрения, относительно данного вопроса существуют разные. Отдельные авторы отстаивают позицию о расширении возможности обвиняемого вовлекать иное лицо, не обладающее статусом адвоката, на любой стадии производства по делу, включая стадию предварительного расследования [7, с. 65].

Другие специалисты категорически возражают против наличия в УПК РФ обозначенной правовой возможности: «лица, не имеющие отношения к деятельности адвоката, не имеют право осуществлять функцию защиты по уголовным делам, поскольку лицо, которое подпадает под «пресс прокурорско-следственной машины», должен быть обеспечен профессиональной юридической помощью, которую может осуществить только адвокат. Именно адвокат, а не любой человек, имеющий диплом юриста. Кроме того, для успешного выполнения профессиональных обязанностей адвокат должен обладать соответствующими профессионально важными качествами, к которым необходимо отнести честность, профессионализм, ответственность, коммуникабельность, психологическое

спокойствие, умение правильно оценивать ситуацию в пользу своего подзащитного и самостоятельно действовать в той или иной обстановке» [21, с. 286].

Данный довод приводит А. Воронова к выводу о том, что «квалифицированную помощь по защите прав и интересов подозреваемых и обвиняемых могут и должны оказывать только юристы – профессионалы в данной сфере, т.е. только адвокаты» [17, с. 35].

Есть мнение, что реализацию данного права необходимым ограничивать только судебным производством, а также установить и нормативно закрепить соответствующие критерии, которым должен соответствовать защитник-неадвокат. В частности, указывается, что данные требования могут быть аналогичными требованиям, предъявляемым к присвоению статуса адвоката (за некоторыми исключениями) – такие лица должны отвечать следующей характеристике: «1) дееспособные; 2) не судимые; 3) которые имеют высшее юридическое образование, подтвержденное соответствующим дипломом государственного образовательного учреждения высшего образования, либо кандидаты юридических наук; 4) имеющие стаж работы по юридической специальности (в качестве судьи; прокурора; следователя; дознавателя, адвоката; преподавателя правовых дисциплин)» [56, с. 232].

По мнению А.В. Закомолдина, спор о квалификации иного лица, не обладающего статусом адвоката и действующего наряду с адвокатом-защитником, неуместен, поскольку, соотнося категории «квалифицированная юридическая помощь» и «защита», автор пришёл к выводу о том, что «данные понятия не тождественны, несмотря на наличие у них сходных целей. Субъект оказания квалифицированной юридической помощи должен соответствовать критерию квалифицированности, т.е. быть профессиональным юристом, в то время как для осуществления защиты по уголовному делу – это не обязательно. С учетом изложенного, целесообразно взглянуть на проблему участия на стороне защиты лица, не обладающего статусом адвоката, с другой стороны – не как на лицо, обеспечивающее действительно

квалифицированную юридическую помощь в уголовном процессе, а как на лицо, содействующее защите» [27, с. 101].

Тем более, что участие иного лица в данном случае зависит от усмотрения суда, который вправе удовлетворить или отклонить подобное ходатайство обвиняемого. Другими словами, именно суд в данном случае выступает в качестве гаранта того, что допущенный в качестве защитника субъект, не являющийся адвокатом, сможет реализовать функцию защиты тому лицу, на которое направлено уголовное преследование.

Тем не менее, указанная правовая ситуация, в которой обвиняемый желает, чтобы его защитником стал кто-то, не обладающий статусом адвоката, является, скорее, исключением из правила, а не самим правилом. По общему же правилу, защиту на всех стадиях досудебного и судебного производства осуществляет адвокат-защитник.

При этом, следует иметь в виду, что любой адвокат вправе осуществлять адвокатскую деятельность на всей территории нашей страны, а значит, любой гражданин имеет право поручить защиту своих законных прав в уголовном процессе не только адвокату, который живёт с ним на одной территории – по месту нахождения дела, но и адвокату любого адвокатского образования на территории РФ. Таким образом, возможности привлечения в качестве защитника должного специалиста максимально широки.

Что касается нормативно-правового регулирования деятельности защитника в уголовном процессе – то оно сосредоточено в нормах УПК РФ. Именно в тексте УПК РФ регламентируются основания и порядок оказания юридической помощи защитника по уголовным делам, учитывая специфику различных стадий уголовного процесса. Однако, отдельные аспекты правового регулирования содержатся и в иных нормативно-правовых документах. В том числе тех, что регулируют деятельность адвокатов, выступающих в качестве защитников при производстве по уголовным делам.

Основные вопросы, связанные с определением статуса адвоката, как представителя адвокатского сообщества, регламентированы в Законе об

адвокатуры, пришедшем на смену изжившему себя Положению об адвокатуры 1980 г. [55]

К числу данных вопросов относится регулирование прав и обязанностей адвокатов; порядка приобретения статуса адвоката; организации адвокатской деятельности; оплаты услуг адвоката (в том числе по назначению органов дознания, предварительного следствия или суда) и т.д.

Ряд вопросов, относящихся к деятельности адвокатуры, регулируются инструкциями Министерства юстиции РФ в соответствии с указанным Законом (например, Приказ Министерства юстиции РФ «Об утверждении формы удостоверения адвоката и порядка его заполнения» [65]).

Необходимо отметить, что право на привлечение к участию в уголовном судопроизводстве защитника нашло свое отражение и в нормах международного права.

Среди рассматриваемых документов особое место занимает Устав ООН, принятый 26 июня 1945 г. [82]

Он провозгласил право людей различных наций без разделения по признакам пола, языка, религии на создание условий, в которых бы уважались права человека и соблюдалась законность.

В декабре 1948 г. Генеральная Ассамблея приняла Всеобщую Декларацию прав человека [18], в которой утверждались принципы равенства всех перед законом, вводились презумпция невиновности, право на беспристрастное и открытое рассмотрение дела в суде и, самое главное, гарантии защиты, что очень важно для деятельности национальных адвокатур в разных странах.

Следующим по значению документом стал Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый в Нью-Йорке 19 декабря 1966 г. [49] Этот пакт подтвердил основные положения предыдущих документов и детализировал их.

Во-первых, он утверждал право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту

или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом.

Во-вторых, каждому арестованному при аресте должны быть сообщены причины его ареста и в срочном порядке сообщается любое предъявляемое ему обвинение.

В-третьих, каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке должно доставляться к судье или к другому должностному лицу, которому по закону принадлежит право осуществлять судебную власть. Арестованные или задержанные имеют право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение.

При этом содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от представления гарантий явки в суд, явки в судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора.

И в заключение, каждый, кто стал жертвой незаконного ареста или содержания под стражей, имеет право на компенсацию, взыскиваемую в исковом порядке.

Следующим по значению стал документ, принятый в 1950 г. в Риме, - Конвенция о защите прав человека и основных свобод [31].

В ней, в частности, подтверждалось право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в определенных случаях и в порядке, установленном законом.

Конвенция провозгласила, что каждый обвиняемый в совершенном преступлении имеет следующие права:

- быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного обвинения;
- иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

- защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, если у него нет достаточных средств для оплаты услуг защитника, получить защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия.

В декабре 1988 г. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН был утвержден «Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме» [72].

В соответствии с этим сводом принципов любое задержанное лицо имеет право на получение юридической помощи со стороны адвоката. Вскоре после ареста оно информируется компетентным органом о своем праве, и ему предоставляются разумные возможности для осуществления этого права.

Если задержанное лицо не имеет адвоката по своему выбору, оно во всех случаях имеет право воспользоваться услугами адвоката, назначенного для него судебным или иным органом, без оплаты его услуг, если это лицо не располагает достаточными денежными средствами.

Отдельные проблемные ситуации, связанные с участием защитника в уголовном судопроизводстве, время от времени, также находят свое отражение в материалах практики Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации.

В рамках рассмотрения правовых основ участия защитника в уголовном процессе, представляется целесообразным уделить внимание вопросу участия защитника в реализации базовых принципиальных положений уголовного судопроизводства.

В юридической науке под принципами уголовного процесса, как правило, понимают закрепленные в законе основополагающие начала, определяющие сущность и обеспечивающие единство уголовного судопроизводства, являющиеся гарантией законности деятельности всех его участников [66, с. 5].

Руководствуясь целями и контекстом исследования, представляется целесообразным разделить принципы уголовного судопроизводства на две основные группы.

В первой группе объединяются принципы, относящиеся к человеку как к личности, гарантирующие ему определенные права при привлечении его к уголовной ответственности:

- принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ, ст. 9 УПК РФ);
- принцип неприкосновенности личности (ст. 22 Конституции РФ, ст. 10 УПК РФ);
- принцип охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ, ст. 11 УПК РФ);
- принцип неприкосновенности жилища (ст. 25 Конституции РФ, ст. 12 УПК РФ);
- принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23 Конституции РФ, ст. 13 УПК РФ);
- принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 2, 45, 46, 48 Конституции РФ, ст. 16 УПК РФ);
- принцип национального языка судопроизводства (ст. 26 Конституции РФ, ст. 18 УПК РФ);
- принцип, обеспечивающий право на обжалование процессуальных действий и решений государственных органов и должностных лиц (ст. 46 Конституции РФ, ст. 19 УПК РФ);
- принцип разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ);
- недопустимость повторного осуждения за одно и то же преступление (ст. 50 Конституции РФ);
- принцип презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ).

Во второй группе сводятся принципы, характеризующие уголовный процесс как систему в правовом демократическом государстве. Именно государство обеспечивает реализацию принципов, указанных в первой категории. Эти принципы определяют смысл уголовного судопроизводства:

- принцип законности (ст. 15 Конституции РФ, ст. 7 УПК РФ);
- принцип осуществления правосудия только судом (ст. 118 Конституции РФ, ст. 8 УПК РФ);
- принцип публичности (ст. 2, 18 Конституции РФ, ст. 21 УПК РФ);
- принцип состязательности сторон (ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ);
- принцип независимости судей и подчинения их только закону (ст. 120 Конституции РФ);
- принцип гласности судебного разбирательства (ст. 123 Конституции РФ);
- принцип назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ);
- принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ);
- принцип единоличного и коллегиального рассмотрения дел (ст. 30 УПК РФ);
- принцип непосредственности и устности судебного разбирательства (ст. 240 УПК РФ);
- принцип неизменности состава суда (ст. 242 УПК РФ).

Соответственно, как представляется, на адвоката-защитника возлагается обязанность руководствоваться в своей деятельности принципами уголовного процесса. Какова же роль адвоката-защитника в реализации принципов уголовного судопроизводства?

Влияние адвоката-защитника на работу системы принципов уголовного судопроизводства и каждого принципа в отдельности неоднозначное. В каких-то принципах роль адвоката-защитника имеет существенное значение и связана с его непосредственными функциями, а в каких-то, наоборот, эта роль

незначительна и не имеет отношения к осуществлению полномочий адвоката-защитника, однако не исключает его участия.

Принципы первой категории определяют основополагающие правила невмешательства в жизнедеятельность человека без законных на то причин. Если имеются такие причины, то они должны быть исключительными, связанными с безопасностью человека и государства.

Соблюдение адвокатом-защитником таких принципов, как уважение чести и достоинства личности, охраны прав и свобод человека и гражданина, неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища, тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, обязывает его воздержаться от каких-либо действий, которые могли бы нарушить эти принципы. Данный запрет распространяется на взаимоотношения не только с подзащитным, но и с другими участниками уголовного процесса.

Роль адвоката-защитника в данном случае имеет пассивный характер, то есть не предполагает действий. Данное поведение характерно и при реализации также принципов:

- презумпции невиновности;
- обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту;
- национального языка судопроизводства;
- недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступление;
- разумного срока уголовного судопроизводства, а также принципа, обеспечивающего право на обжалование процессуальных действий и решений государственных органов и должностных лиц.

Такое поведение связано с тем, что возможность реализации этих принципов участниками процесса обеспечивается органами уголовного преследования и судом.

Однако в случаях нарушения этих принципов участниками уголовного судопроизводства в отношении подозреваемого (обвиняемого) нормы Закона

об адвокатуре и Кодекс профессиональной этики адвокатов [30] обязывают адвоката активизироваться, то есть реагировать на нарушение прав своего подзащитного путем реализации права на обжалование действий и бездействия должностных лиц, суда, их процессуальных решений, а также заявлять ходатайства, делать заявления и вносить замечания в протоколы следственных действий и судебные протоколы.

Таким образом, методы, с помощью которых адвокат-защитник может реализовать свои функции по защите интересов подзащитного, в рамках производства по уголовному делу, сводятся к заявлению ходатайств и возможности обжалования решений, действий и бездействия должностных лиц.

Любое решение суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, а также их действия и бездействие могут быть обжалованы в порядке, установленном УПК РФ. Ст. 19, 123 УПК РФ предоставляют данное право всем участникам уголовного судопроизводства, а также и иным лицам, чьи права и интересы затрагиваются в результате данного уголовного производства.

Однако правовые пробелы в российском уголовно-процессуальном законе не позволяют адвокату-защитнику на практике получить необходимый результат от реализации своего права на обжалование.

Отсутствие в УПК РФ сроков, которые бы предписывали судам первой инстанции направлять обжалуемый материал, дают им возможность направлять его тогда, когда это необходимо.

Таким образом, реализация адвокатом-защитником принципа, обеспечивающего право на обжалование, зависит от обеспечения со стороны государства реализации принципов второй группы, в данном случае обеспечения права на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом.

Принципы второй группы гарантируют лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, что ограничение его в правах при производстве

по уголовному делу, вмешательство в его жизнедеятельность должно происходить в соответствии с законом и в строго определенной процедуре, с предоставлением обвиняемому права на квалифицированную юридическую помощь, доступа к правосудию, возможности защищаться от такого вмешательства.

Одним из фундаментальных положений этой группы является принцип законности, который охватывает всю деятельность органов, участвующих в уголовном преследовании и осуществлении правосудия, а также иных субъектов уголовно-процессуальных отношений, обязанных подчиняться закону и соблюдать его предписания. Адвокат-защитник, как один из таких субъектов, должен следить не только за действиями участников уголовного процесса, которые должны соответствовать требованиям законности в связи с производством по уголовному делу в отношении его доверителя, но и сам являться примером исполнения данного принципа. Более того, принцип законности является для адвоката более значимым, чем воля его подзащитного. Данное утверждение находит свое подтверждение в ч. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре, согласно которой адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение, имеющее заведомо незаконный характер.

Некоторые принципы второй группы имеют отношение исключительно к деятельности судебной власти и осуществлению правосудия. К таковым относятся: принцип осуществления правосудия только судом; принцип независимости судей и подчинения их только закону; принцип гласности судебного разбирательства; принцип единоличного и коллегиального рассмотрения дел; принцип непосредственности и устности судебного разбирательства; принцип неизменности состава суда; обеспечение права на справедливое судебное разбирательство.

Однако это не означает, что указанные принципы не допускают участия в их реализации адвоката-защитника. Хотя его роль в данном случае не существенная, но исключать ее нельзя.

Из приведенного выше анализа можно сделать вывод, что привлечение человека к ответственности возможно только в рамках строго определенной процедуры при соблюдении принципов уголовного судопроизводства. Классификация этих принципов разнообразна, но состав их не меняется. Только при соблюдении всех принципов уголовного судопроизводства можно говорить о законном привлечении виновного к ответственности. У каждого привлекаемого к ответственности лица должно быть право на защиту, которое реализуется как лично, так и с помощью адвоката-защитника. Адвокат-защитник при выполнении своих функций также должен руководствоваться принципами уголовного судопроизводства. Однако роль адвоката-защитника при реализации им каждого принципа в отдельности неодинакова и зависит от сложившихся обстоятельств: при реализации одних принципов адвокат-защитник должен активно отстаивать позицию своего подзащитного путем обжалования действий и решений должностных лиц и заявлять ходатайства, а в других – воздержаться от каких-либо действий, например, не вмешиваться в деятельность судей или не обжаловать приговор, если подзащитный этого не желает.

Тем не менее реализация адвокатом-защитником принципов уголовного судопроизводства связана не только с его активным или пассивным поведением. Большое влияние на их реализацию оказывают пробелы в действующем законодательстве, а также нарушения, допускаемые правоприменителем.

1.2 Особенности возникновения правомочий защитника в связи с вступлением в уголовное дело

В большинстве случаев, защитник принимает участие в качестве процессуальной фигуры в уголовном деле с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 3 ст. 49

УПК РФ). Тем не менее, это не единственно возможный вариант вступления защитника в процесс.

В частности, защитник может участвовать в деле и на более ранних этапах с момента:

- возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;
- фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в случаях, предусмотренных ст. 91 и ст. 92 УПК РФ;
- фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в случае применения к нему в соответствии со ст. 100 УПК РФ меры пресечения в виде заключения под стражу;
- вручения уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223.1 УПК РФ;
- объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы;
- начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ.
- начала осуществления иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления.

По сути дела, ключевой в данном отношении, критерий возникновения у лица права обратиться к профессиональному защитнику в лице адвоката, обозначен ещё 20 лет назад в одном из постановлений Конституционного Суда РФ, в котором поясняется, что «право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если управомоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, удержание

официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность» [59].

К процессуальным действиям, затрагивающим права и свободы подозреваемого и, соответственно, дающим обоснование для вступления в дело защитника, могут быть также отнесены наложение ареста на имущество, освидетельствование, выемка, очная ставка, контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение образцов для сравнительного исследования.

Далее обратимся к положениям ч. 2 ст. 49 УПК РФ. В утратившей на данный момент силу редакции обозначенной нормы, законодатель говорил о том, что «в качестве защитников допускаются адвокаты».

Как отмечал по данному поводу в своей работе Е.В. Кронов, если проанализировать положения статей УПК РФ, посвященных вступлению адвоката в качестве защитника в уголовное дело, можно сделать вывод о навязываемом этими положениями некоем «разрешительном порядке». Таким образом, иной субъект уголовного судопроизводства допускает адвоката к участию в деле в качестве защитника. Этим субъектом, очевидно, является тот, в чьем производстве находится уголовное дело (следователь, дознаватель). Однако возникает вопрос: обязан ли следователь (дознаватель) допустить защитника к участию в уголовном деле либо у него есть на это право, а, следовательно, и право не допустить его? Закон определенного ответа на этот вопрос не дает» [34, с. 30].

Указанный специалист заключает, что конкретный адвокат, заключив с соответствующим соглашением на осуществление его защиты, должен обратиться к лицу, в производстве которого находится уголовное дело, с уведомлением о вступлении в дело, предъявив ордер адвокатского образования, а также удостоверения адвоката. Таким образом будут учтены положения ч. 4 ст. 49 УПК РФ.

При этом, анализируя сущность вступления адвоката-защитника в процесс, автор делает обоснованный вывод о том, что «подобное уведомление должностного лица заключается не в том, чтобы просить кого-либо о чем-либо, а ставить его адресата перед определенным фактом (можно провести аналогию с судебными уведомлениями о назначенном судебном слушании и необходимости явки уведомляемого лица)» [34, с. 30].

Таким образом использования оборот «в качестве защитников допускаются адвокаты» не соответствует природе вступления защитника в процесс, поскольку такой порядок не является разрешительным, а является уведомительным.

Подобная критика выражалась и в иных работах. Отдельные авторы прямо указывали на необходимость изменения соответствующей формулировки ч. 2 ст. 49 УПК РФ, путём замены слов «в качестве защитников допускаются адвокаты» словами «защиту по уголовным делам осуществляют адвокаты» [37, с. 10].

В конечном итоге, лишь спустя 10 лет с момента выдвижения подобных предложений, они были приняты законодателем во внимание и Федеральным законом от 17.04.2017 г. №73-ФЗ слово «допускаются» в ч. 2 ст. 49 УПК РФ было заменено на нейтральное «участвуют». Параллельно с этим, аналогичное изменение было внесено в ч. 4 ст. 49 УПК РФ. При этом, законодатель конкретизировал, что с данного момента на адвоката распространяются правила ч. 3 ст. 53 УПК РФ о неразглашении данных предварительного расследования, если он предупреждён об этом в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ.

При этом, в ч. 2 ст. 49 УПК РФ законодатель совершенно справедливо продолжает говорить о допуске в качестве защитника лица, не обладающего статусом адвоката – это положение осталось без изменения, с учётом того, что возможность вовлечения защитника-неадвоката в процесс носит разрешительный характер, поскольку зависит от усмотрения суда.

Тем самым законодатель разделил уведомительный порядок вступления в дело для защитников, имеющих статус адвоката и разрешительный – для лиц, не имеющих такой статус.

УПК РФ предусматривает два способа обеспечения участия защитника в уголовном процессе:

- по соглашению;
- по назначению.

Первичным и основным является первый из обозначенных путей вовлечения в процесс защитника, при котором адвокат-защитник приглашается самим подозреваемым или обвиняемым. Кроме того, защитник по соглашению может быть приглашён и другими лицами (родственниками, близкими лицами и т.д.) с согласия и по поручению подозреваемого или обвиняемого, о чём законодатель говорит в ч. 1 ст. 50 УПК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 50 УПК РФ, участие защитника в деле может быть обеспечено должностными лицами, обладающими властными полномочиями, если подозреваемый или обвиняемый выразит просьбу об этом.

При наличии такого обращения «указанные лица обязано принять меры для информирования конкретного адвоката, названного обвиняемым (подозреваемым), либо направить соответствующее уведомление в юридическую консультацию или адвокатское бюро» [70, с. 69].

Адвоката в процессуальном качестве защитника, как уже было сказано, может пригласить и лицо, задержанное по подозрению в совершении противоправного деяния, а также заключённое под стражу, в установленном УПК РФ порядке. Очевидно, что в связи с ограничением свободы, в подобных случаях возникают объективные физические сложности в обеспечении участия в деле защитника. В такой ситуации соответствующий субъект стороны обвинения, а также суд, обязаны предоставить этим лицам возможность выбора и приглашения защитника, а также заключения с ним соглашения на участие в деле.

В ч. 1 ст. 50 УПК РФ содержится указание на возможность лица, на которое направлено уголовное преследование, иметь неограниченное количество защитников по делу. По сути, их число ограничивается лишь представлениями о целесообразности обвиняемого или подозреваемого, а также финансовыми возможностями, связанными с оплатой услуг адвокатов.

Как обоснованно указывается в литературе, при наличии в деле нескольких адвокатов-защитников, в процессуальной деятельности «свои обязанности данные защитники распределяют по соглашению между собой и подзащитным. При этом участие хотя бы одного из них при производстве следственного действия в отношении подзащитного является выполнением требования закона о соблюдении права на защиту. Работа нескольких защитников по уголовному делу не препятствует реализации каждым из них своих процессуальных полномочий, независимо от степени осуществления соответствующих прав другими защитниками. Каждый из них вправе в предусмотренных законом случаях знакомиться с материалами уголовного дела, иметь с подозреваемым (обвиняемым) свидания, присутствовать при предъявлении обвинения» [51, с. 175].

При этом, у нескольких обвиняемых, проходящих по одному и тому же делу может быть один и тот же адвокат-защитник лишь в том случае, если их интересы не противоречат друг другу (ч. 5 ст. 49 УПК РФ).

Как отмечается в литературе, «как правило, такие противоречия связаны с занимаемыми участниками процесса по делу позициями, когда одно лицо изобличает своими показаниями другое либо иным способом затрагивает его интересы» [71, с. 15].

Существующий нормативный порядок приглашения защитника содержит и ряд положений, направленных на должное обеспечение работы должностных лиц, осуществляющих производство по делу. К числу таковых относится требование о том, что в случае неявки защитника в течение пяти суток со дня заявления ходатайства о его приглашении обвиняемому (подозреваемому) предлагается пригласить другого защитника, а в случае его

отказа – принимаются меры по назначению защитника. Следователь (дознаватель) вправе произвести следственное действие без участия защитника, если тот не является в течение пяти суток, а обвиняемый (подозреваемый) не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении. Об этом сказано в ч. 3 ст. 50 УПК РФ.

Исключением из данного правила являются ситуации, при которых обвиняемый (подозреваемый) не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту (п. 2 – 4 ч. 1 ст. 51 УПК РФ), обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, за которое может быть назначено одно из наказаний, перечисленных в п. 5 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, либо его уголовное дело подлежит рассмотрению судом в особом порядке (п. 6, п. 7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ) [23, с. 18].

Думается, что срок 5 суток, о котором ведёт речь законодатель, всё же, является условным. По сути, законодатель данным положением создаёт препятствие для затягивания производства по делу. Но в ряде ситуаций длительным не может быть признан срок неявки адвоката и свыше 5 суток. Представляется, что решение в каждом конкретном случае может ставиться в зависимость от специфики уголовного дела, его объема, участия защитника в предыдущей стадии процесса и т.д.

Напротив, когда речь идёт о лице, задержанном по подозрению в совершении преступления или заключенном под стражу, адвокат-защитник должен явиться в срок до суток с момента задержания или заключения под стражу.

В такой ситуации при невозможности обеспечить явку желаемого адвоката-защитника, должностное лицо, осуществляющее уголовное судопроизводство, должно принять меры по назначению защитника. При отказе обвиняемого (подозреваемого) от назначенного защитника следственные действия с участием обвиняемого (подозреваемого) могут быть проведены без участия защитника. Данное правило не действует в случаях, предусмотренных п. п. 2 – 7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

Как верно отмечает Т.А. Шмарева, «несоблюдение требований об обязательном участии защитника по перечисленной в УПК категории уголовных дел рассматривается как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, влекущее за собой дополнительное расследование или отмену приговора» [88, с. 572].

Таким образом, если по каким-то причинам подозреваемый или обвиняемый самостоятельно (или через иных лиц) не приглашает адвоката-защитника, однако, и отказ свой от права иметь защитника не выражает, реализуется вторая предусмотренная действующим законодательством уголовно-процессуальная форма вовлечения защитника в процесс производства по уголовному делу – назначение защитника осуществляется должностными лицами стороны обвинения, а также судом через существующую сеть адвокатских образований на конкретной территории. В этом проявляется сочетание в деятельности адвокатуры, как независимого института гражданского общества, частного и публичного начала. Осуществляя оказание квалифицированной юридической помощи по соглашению, адвокатура, при этом, участвует в оказании данного рода помощи и по назначению – в соответствии с поступающими запросами. Оплата услуг адвоката, реализующего такую задачу, осуществляется из средств федерального бюджета, на что указывается в ч. 5 ст. 50 УПК РФ, а не из средств подзащитного. Механизм оплаты труда защитника по назначению заложен в постановлении Правительства РФ от 01.12.2012 г. №1240 [62].

Подобный порядок принятия обязанности финансово обеспечить участие защитника государством вполне понятен, с учётом того, что подозреваемые или обвиняемые, не пригласившие адвоката, как правило, не делают это в силу отсутствия материальной возможности оплатить юридические услуги. Государство, предоставляя возможность получить квалифицированную юридическую помощь на бесплатной основе, тем самым, реализует право каждого, на получение квалифицированной юридической

помощи независимо от материального благосостояния, нуждающегося в такой помощи лица, что очень важно.

Таким образом, с обязанностью должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, обеспечить возможность осуществления участниками уголовного судопроизводства их прав, тесно переплетается право подозреваемого и обвиняемого пользоваться услугами защитника бесплатно (ч. 4 ст. 16 УПК РФ).

В этих целях обязанность финансировать деятельность адвокатов, оказывающих юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, возложена на органы государственной власти (п. 3 ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)

Как отмечает авторский коллектив под редакцией В.Н. Буробина, «желание лица иметь защитника – определяющий фактор при решении вопроса об участии защитника в деле и его конкретной кандидатуре. Это объясняется прежде всего необходимостью обеспечить доверие обвиняемого к своему защитнику. Это право действует на всех стадиях процесса и является составной частью права на защиту» [3, с. 333].

УПК РФ предоставляет право обвиняемым (подозреваемым) самим определять, в какой мере и в какой момент они испытывают потребность в получении квалифицированной юридической помощи, и поэтому они на любом этапе уголовного судопроизводства полномочны заявить об отказе от помощи защитника и о намерении производить далее свою защиту самостоятельно. При этом от обвиняемого (подозреваемого) не требуется объяснения причин отказа от защитника, что не лишает его права изложить такие причины в письменном виде при уведомлении следователя (дознателя) об отказе в отдельном заявлении.

Если отказ от защитника заявляется во время производства следственного действия, то об этом делается отметка в протоколе данного

следственного действия. Отказ от защитника необязателен для дознавателя, следователя и суда. Если в процессе дальнейшего расследования обвиняемый (подозреваемый) вновь приходит к заключению о необходимости обращения за помощью защитника, приглашение или назначение последнего осуществляется по правилам, предусмотренным ст. 50 УПК РФ.

Несоблюдение права обвиняемого пригласить защитника по своему усмотрению является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, на что в свое время обратил внимание Пленум Верховного Суда СССР в своем Постановлении от 16.06.1978 г. [61]

К сожалению, как отмечается некоторыми авторами, «механизм вступления избранного самим подозреваемым (обвиняемым) адвоката в качестве его защитника в уголовное дело плохо урегулирован действующим УПК РФ» [70, с. 70].

В ряде публикаций авторы ставят вопрос о том, с какого момента защита считается принятой? Высказываются различные суждения по данному поводу: «с момента получения адвокатом ордера на ведение дела» [4, с. 33]; «с момента согласования общей позиции по делу с обвиняемым и выявления согласия обвиняемого с позицией адвоката» [1, с. 21]; «с момента вступления адвоката в дело» [9, с. 16].

Представляется, что конкретный адвокат получает фактическую возможность начать реализовывать свои процессуальные возможности, связанные с оказанием квалифицированной юридической помощи лицу в статусе подозреваемого или обвиняемого лишь после получения ордера на исполнение поручения (независимо от того, по соглашению он действует или по назначению). При этом, подтверждением наличия полномочий защитника конкретного лица является, помимо удостоверения, указанный ордер.

Сказанное даёт нам основания считать защиту принятой после получения адвокатом соответствующего ордера на исполнение поручения, соглашаясь с первой из обозначенных в данном отношении позиций.

Адвокат в качестве защитника вступает в процесс, как уже было отмечено, по предъявлении служебного удостоверения и ордера, подтверждающего наличие у него полномочий на представление интересов конкретного доверителя. Требование от адвоката-защитника каких-либо иных документов, в том числе, письменных разрешений должностных лиц стороны обвинения для допуска к обвиняемому, содержащемуся под стражей, не является законным и нарушает право лица на защиту.

Соответствующая позиция по данному поводу выражена Конституционным Судом РФ в Постановлении от 25.10.2001 г. №14-П: «требование обязательного получения адвокатом (защитником) разрешения от лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, на допуск к участию в деле означает, по существу, что подозреваемый и обвиняемый могут лишиться своевременной квалифицированной юридической помощи, а адвокат (защитник) – возможности выполнить свои профессиональные и процессуальные обязанности, если получению такого разрешения препятствуют обстоятельства объективного (отсутствие следователя) либо субъективного (нежелание следователя допустить адвоката на свидание) характера» [58].

Таким образом, Конституционный Суд РФ приходит к однозначному выводу о том, что адвокат должен допускаться к подзащитному лишь на основании удостоверения и ордера.

В уголовных делах, в материалах которых содержатся сведения, составляющие государственную тайну, вправе участвовать только тот адвокат, который имеет соответствующий допуск к указанным сведениям (ч. 5 ст. 49 УПК РФ). Если соответствующего допуска у конкретного адвоката нет, то он может вступить в дело в качестве защитника только дав подписку о неразглашении обозначенных сведений.

Стремясь наиболее полно и непрерывно обеспечить процесс оказания заинтересованным лицам юридической помощи, законодатель не предоставляет адвокату права отказаться от принятой на себя защиты

подозреваемого или обвиняемого – данный запрет содержится в ч. 7 ст. 49 УПК РФ «адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого», что, действительно, является ещё одной гарантией полноценной реализации права лица на квалифицированную юридическую помощь со стороны защитника в уголовном процессе.

Случаи обязательного участия защитника в деле перечислены законодателем в ст. 51 УПК РФ. Данный перечень обстоятельств, обуславливающих обязательное участие защитника, предполагает необходимость установления дополнительных гарантий в отношении лица, на которое направлено уголовное преследование.

Необходимость таких гарантий возникает в силу:

- несовершеннолетнего возраста, а также невозможности в полной мере пользоваться своими правами в связи с физическими или психическими недостатками;
- отсутствия равной с другими участниками процесса возможности понимать суть процессуальных действий и решений из-за наличия языкового барьера;
- наличия процессуальных особенностей производства по делу (производство дознания в сокращённой форме; производство в особом порядке при наличии согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением; производство в суде с участием присяжных заседателей и т.д.)
- наличие возможности применения к лицу максимальных размеров наказания в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь, предусмотренных санкцией статьи Уголовного кодекса РФ [81] (УК РФ) за соответствующий состав преступления, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо.

При этом, если лицо не отказалось от защитника, значит презюмируется обязательность и необходимость его участия в производстве по уголовному делу, что следует из формулировки п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

Наличие данного основания в имеющемся перечне случаев обязательного участия защитника есть благо, но вышеназванная формулировка у некоторых авторов, в частности А.Г. Волковой, вызывает определенные сомнения: «данная формулировка содержит крайне нецелесообразную с практической точки зрения и необоснованную необходимость для следователя (дознателя) обеспечивать участие защитника фактически по всем делам, где есть обвиняемый (подозреваемый), независимо от реальной потребности в его участии. Исходя из этого, в целях устранения данного недостатка, следует внести следующее изменение в текст п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ: «подозреваемый, обвиняемый изъявляет желание иметь защитника» [16, с. 52].

Такая точка зрения на вопрос презюмирования желания лица иметь защитника, представляется весьма спорным, поскольку, если такую законодательную инициативу удовлетворить, новая формулировка п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ будет предполагать полное отсутствие адвоката-защитника в процессе, за исключением тех случаев, где лицом, на которое направлено уголовное преследование, будет выражено желание его иметь.

По мнению А.В. Закомолдина «случаи неучастия защитника следует считать скорее исключением из общего правила, нежели самим правилом. Наиболее приемлемой видится существующая презумпция участия защитника в уголовном процессе» [27, с. 145].

Таким образом, существующее в настоящий момент правовое регулирование участия защитника в уголовном судопроизводстве

Глава 2 Анализ отдельных проблем участия защитника в уголовном процессе

2.1 Проблемы участия защитника в доказывании

Законодатель в нормах действующего УПК РФ в достаточной мере расширил возможности защитника, относительного его участия в доказывании, сравнительно с ранее действовавшим законодательством.

Одним из дискуссионных вопросов, возникающих традиционно в данном контексте, является вопрос о том, является ли обязанностью защитника участие в процессе доказывания в интересах своего подзащитного, или же это его право?

При этом, в научных публикациях есть как сторонники понимания участия защитника в доказывании в виде права [42, с. 198], так и сторонники считать участие в доказывании в качестве процессуальной обязанности [43, с. 95-96].

Как отмечает В.Л. Кудрявцев, согласно положениям УПК РФ, законодатель определил правомочия защитника довольно специфическим образом – суть обозначенных правомочий защитника в том, что «законодатель не употребил термины «вправе» или «обязан», а использовал описательный способ регулирования» [46, с. 205].

В связи со сказанным, достаточно сложно определить, что именно следует рассматривать в качестве права защитника, а что в качестве его обязанности.

Несмотря на то, что в соответствии с принципом презумпции невиновности, бремя доказывания лежит на стороне обвинения, активизация защитника в вопросе доказывания, осуществляемого в интересах подзащитного, является целесообразным, относительно достижения благоприятного для подзащитного результата.

Предметом доказывания защитником по уголовному делу являются лишь обстоятельства, опровергающие предъявленное обвинение или смягчающие ответственность обвиняемого. В этих целях с момента вступления в дело, адвокат-защитник вправе собирать и представлять доказательства.

Особенности реализации права защитника собирать доказательства уделено внимание в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, в соответствии с которой, защитник вправе собирать доказательства путём:

- получения предметов, документов и иных сведений;
- опроса лиц с их согласия;
- истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Аналогичные по сути правомочия адвокату предоставлены и п.п. 1-3 ч. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре, однако стоит заметить, что в тексте вышеназванного нормативного документа не идёт речь о данных правомочиях, как о способах собирания доказательств.

Согласно ст. 6 Закона об адвокатуре адвокат вправе собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, а также иных организаций. Указанные органы и организации обязаны в порядке, установленном законодательством, выдавать адвокату запрошенные им документы.

Наличие приведённых выше положений ч. 3 ст. 86 УПК РФ стало предметом дискуссии относительно вопроса о том, вправе ли адвокат-

защитник проводить своё самостоятельное «адвокатское расследование», собирая доказательства теми способами, что предусмотрел законодатель?

Ю.В. Корневский и Г.П. Падва утверждают, что «новый Уголовно-процессуальный кодекс не воспринял идею так называемого параллельного расследования, при котором защитник мог бы самостоятельно собирать доказательства наравне со стороной обвинения, но существенно расширил права защитника в этом отношении, введя таким образом дополнительные элементы состязательности в уголовном судопроизводстве» [33, с. 71].

Проанализируем предоставленные ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитнику процессуальные возможности, связанные с участием в доказывании.

На основании п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, по замыслу законодателя, защитник вправе провести опрос и таким образом получить доказательство в интересах своего подзащитного. Как видится из сути и содержания данного правомочия, речь идёт о выявлении, так называемых, потенциальных свидетелей. Источником информации о них может стать сам обвиняемый, его родственники, друзья и т.д.

Производство опроса такого потенциального свидетеля целесообразно, как минимум, для того, чтобы получить представление о том, какой именно информацией лицо обладает, является ли она значимой по делу и, главное, будет ли она содействовать интересам подзащитного. Лишь будучи уверенным в последнем, защитник может заявить в дальнейшем ходатайство о вызове данного лица в качестве свидетеля к следователю (дознавателю) или в суд.

То есть, значение опроса при указанных обстоятельствах для защитника – ориентирующее. Ведь если бы результат адвокатского опроса, как следует из п. 2 ч. 1 ст. 53 и ч. 3 ст. 86 УПК РФ, являлось бы полноценным доказательством в уголовно-процессуальном смысле слова, была бы предусмотрена соответствующая форма его закрепления, но законодатель её не предусматривает.

Кроме того, ч. 2 ст. 74 УПК РФ также не содержит такой разновидности доказательства, как «результат опроса», а перечень доказательств, указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ является исчерпывающим.

Представляется справедливым утверждение Ю.В. Корневского и Г.П. Падвы о том, что «опрос еще не создает доказательства по делу, поскольку собранные адвокатом сведения не обладают требуемой законом процессуальной формой» [33, с. 73].

Лишь показания соответствующего лица в процессуальном статусе свидетеля (пусть даже ранее опрошенного защитником) станут допустимым доказательством, получение которого будет сопровождать следование процессуальной процедуре производства допроса.

И. Маслов указывает: «фиксирование опроса может не производиться в принципе, а защитник по результатам опроса может заявить ходатайство о производстве допроса ранее опрошенного им лица» [48, с. 3].

Как пишет В.С. Попов, «опрос лица представляет собой способ получения информации, необходимой для осуществления защиты интересов подозреваемого, обвиняемого защитником с согласия опрашиваемых лиц», при этом результаты опроса являются лишь «основанием для заявления ходатайства о допросе этих лиц органами, осуществляющими уголовное преследование» [57, с. 11].

Более того, подобную деятельность защитника А.М. Ларин, например, называл предпроцессуальной и писал, что «предпроцессуальной мы называем не облеченную в процессуальную форму деятельность участвующих в деле лиц, направленную на получение информации об обстоятельствах дела для использования ее при процессуальных действиях, а также при принятии решений» [41, с. 84].

К такого рода деятельности с уверенностью можно отнести деятельность защитника, которая имеет направленность на выявление возможных свидетелей, а также поиск документов и предметов, потенциально пригодных

выступить в качестве вещественных доказательств или иных документов (как разновидности доказательств).

Действительно, обозначенные в п. 1 и 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ предметы, документы, справки, характеристики и т.д. могут получить статус доказательства только после того, как должностное лицо, обладающее властными полномочиями, проверит их на соответствие требованиям относимости, допустимости и приобщит к материалам уголовного дела.

С.А. Шейфер совершенно справедливо отмечает, что «принятие решения о приобщении предмета или документа к делу, в сущности, представляет собой акт закрепления доказательства, завершающий момент собирания (формирования) доказательства. Пока такое решение не принято – доказательства еще не существует. Оно еще «не собрано», не сформулировано» [87, с. 45-46].

Не взирая на то, что законодатель опрометчиво разрешил защитнику собирать доказательства, очевидно, что приобщение таковых к материалам уголовного дела зависит от усмотрения субъекта с властными полномочиями – например следователя.

Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ, собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путём производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. Но, как мы видим, в данном ряду субъектов доказывания, защитник не указан и причина того проста: он не наделён властными полномочиями.

Адвокат-защитник не обозначен и среди субъектов, наделённых правом проверять доказательства и оценивать их, по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. Ст. 17 УПК РФ относит к таким субъектам лишь судью, присяжного заседателя, прокурора, следователя и дознавателя.

При разработке института «адвокатского расследования» должен был быть определен процессуальный порядок закрепления собирания доказательств защитником, а также критерии допустимости, которым должны соответствовать доказательства со стороны защиты, но законодатель ничего из указанного не предусмотрел. Данное правомочие, в этой связи, видится формальным и не отвечающим тому, что заявлено в наименовании ст. 86 УПК РФ. Речь в действительности не идёт о собирании доказательств в уголовно-процессуальном смысле слова.

Всё, что защитник может «собрать» в интересах своего подзащитного выступает не в качестве доказательства, а в качестве сведений, обладающих свойством относимости, применительно к данному уголовному делу.

М.А. Фомин, констатирует, что «реализация права защитника на сбор доказательств на досудебных стадиях опосредована через соответствующих субъектов уголовного судопроизводства, а именно через дознавателя, следователя или прокурора, поскольку ч. 1 ст. 86 УПК РФ именно на данных лиц возлагает обязанность собирать доказательства путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК» [85, с. 490].

При понимании правомочий защитника по собиранию доказательств в подобном ключе, становится вполне понятно, по какой причине законодатель не регламентировал процедуру собирания доказательств защитником.

Как верно резюмирует А.В. Закомолдин, «адвокат-защитник не вправе проводить параллельное или адвокатское расследование наравне со стороной обвинения. По причине того, что деятельность защитника по собиранию доказательств носит опосредованный характер, реализуемый через действия лиц, ведущих производство по делу, законодатель не урегулировал процедуру собирания доказательств защитником. Данная деятельность не носит процессуальный характер, а является предпроцессуальной» [25, с. 19].

2.2 Проблемы привлечения защитником специалиста

Нормативной возможности привлекать специалиста в интересах своего подзащитного в научных публикациях продолжает уделяться значительное внимание. Такое право защитника, предусмотренное в п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, является формой обращения к специальным знаниям, которая раньше при производстве по уголовным делам, имела лишь у должностных лиц стороны обвинения – речь идёт о судебной экспертизе, которую сторона защиты назначить самостоятельно не могла и не может.

Компромиссным вариантом стало наделение адвоката-защитника привлечь специалиста и воспользоваться таким образом альтернативной формой обращения к специальным знаниям.

Специалисту, как участнику уголовного судопроизводства, посвящена ст. 58 УПК РФ, которая обозначила специалиста, как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применения технических средств в исследовании материалов уголовного дела, постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения суду и сторонам вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

При этом, Федеральным законом от 04.07.2003 г. №92-ФЗ [83] заключение и показания специалиста возведены в ранг доказательств, посредством внесения изменений в ч. 2 ст. 74 УПК РФ и дополнением её п. 3.1.

Заметим, что в ст. 58 УПК РФ, речь идёт о двух разновидностях специалистов. Первые являются, как правило, сотрудниками правоохранительных органов и используют свои специальные знания для того, чтобы помочь следователю эффективно производить следственные действия, применять криминалистическую технику и т.д. Вторые – привлекаются для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Именно о второй категории специалистов идёт речь, относительно анализируемого нами права защитника.

Как пишет в связи со сказанным А.Р. Белкин, «закключение специалиста получило важнейший официальный статус – статус доказательства, что неминуемо повлечет за собой серьезные процессуальные последствия. Представленное защитником заключение специалиста следователь или суд обязаны будут приобщить к делу и подвергнуть проверке и оценке наравне с другими доказательствами» [12, с. 334].

Тем не менее, важно разграничивать компетенцию эксперта и компетенцию специалиста, поскольку, несмотря на то, что и эксперт, и специалист, являются носителями специальных знаний, они не дублируют друг друга в процессе.

Как пишет по данному вопросу А.А. Тарасов, задача специалиста «разъяснить то, что может быть непонятно юристам при исследовании обстоятельств дела, установление которых требует специальных знаний. С помощью заключения специалиста решаются иные задачи, нежели с помощью заключения эксперта: оно помогает следователю и суду компенсировать отсутствие у них собственных знаний в данной специальной сфере и на этой основе самостоятельно верно оценить имеющиеся в деле экспертные заключения, проверить выводы эксперта путем проведения повторных экспертиз, производства иных следственных или судебных действий» [78, с. 38-39].

В своём заключении, имеющим доказательственное значение, специалист может с позиции своих знаний, научно обосновать ответы, либо мотивировать невозможность ответить на тот, или иной вопрос. Таким образом, специалист, в рамках заключения, высказывает свои суждения по тем вопросам, которые имеют значение для данного уголовного дела. Эксперт – проводит исследование, ход и результаты которого отражаются в заключении эксперта. Специалист никакого исследования не проводит – он лишь рассуждает, с опорой на имеющиеся у него специальные знания, компенсируя

их нехватку у иных участников уголовного судопроизводства – в том числе, имеющих властные полномочия.

Как именно адвокат-защитник может вовлечь в процесс специалиста в интересах своего подзащитного? Е.А. Карякин пишет, что «данные взаимоотношения могут быть урегулированы в рамках возмездного договора о консультировании, оплачиваемого за счет средств обвиняемого или его родственников» [29, с. 77].

В вопросе обращения адвоката-защитника к специальным знаниям значительный интерес, с учётом своей проблематичности, представляет вопрос оценки уровня специальных познаний лица, которого предполагается вовлечь в качестве специалиста в процесс производства по делу. Вправе ли должностное лицо отказать стороне защиты в привлечении конкретного гражданина в данном процессуальном качестве с ссылкой на то, что данное лицо не обладает соответствующей квалификацией, или соответствующими специальными знаниями, которые требуются применительно к рассматриваемому делу?

А.Р. Белкин обращает внимание на то, что «в УПК РФ речь идет не о квалификации специалиста (подтверждаемой всевозможными документами), а о том, что специалист обладает специальными знаниями, а это не одно и то же» [12, с. 333].

Данное замечание представляется верным. УПК РФ не содержит требования подтверждать квалификацию специалиста, равно как и его специальные знания, предъявлением диплома о соответствующем образовании. Всё дело в том, что «знания, которыми обладает лицо, могут и не предполагать наличия официального документа, что не означает, будто лицо не может быть привлечено к участию в деле в качестве специалиста. Так, дипломированный инженер в течение нескольких десятков лет увлекающийся филателией, изучающий специальную литературу, может дать заключение по вопросам, связанным с филателией» [29, с. 78].

Таким образом, оценка уровня специальных знаний лица – вопрос субъективный и решаться он должен индивидуально в каждом конкретном случае.

Е.Р. Россинская считает, что решение о том, обладает ли лицо специальными познаниями должно приниматься стороной, вызвавшей специалиста для допроса: «Суд может не согласиться с высказанной им точкой зрения, но не должен отклонять саму возможность допроса этого лица» [69, с. 120]. Подобная позиция озвучена в работе Т.И. Жеребцовой [22, с. 124].

Таким образом, авторы предлагают отнести вопрос возможности использования заключения конкретного специалиста к компетенции суда непосредственно в судебном заседании, не позволяя стороне обвинения предрешать вопрос компетентности специалиста в досудебном производстве.

Представляется, что указанные суждения верны и с ними вполне можно согласиться. Вполне резонно отнести право итоговой оценки заключения специалиста к компетенции суда.

Таким образом, мнение должностного лица стороны обвинения, относительно уровня специальных знаний, привлечённого стороной защиты специалиста не должно изначально создавать препятствие для использования его заключения в качестве доказательства. Юридически значимые последствия в отношении заключения специалиста, инициированного защитником, в виде решения о недопустимости такого доказательства, могут стать лишь результатом оценки доказательств, осуществляемой в судебном заседании с участием сторон.

Как справедливо отмечает А.А. Тарасов, «можно с уверенностью утверждать, что заключение и показания специалиста – это единственное в настоящее время реально доступное адвокатам средство «потревожить» традиционную для практики монополию стороны обвинения на использование специальных знаний в уголовном процессе» [77, с. 278].

Данный круг проблем продолжает актуализировать необходимость проработки вопросов, связанных с допустимостью заключения специалиста,

приглашённого стороной защиты и возможностью полноценного использования того потенциала, который даёт стороне защиты анализируемое право защитника привлечь специалиста.

2.3 Проблемы участия защитника в производстве следственных действий

С учётом того, что основным способом появления новых доказательств в уголовном деле (основным способом их собирания) считается производство следственных действий, целесообразно уделить внимание проблемам участия адвоката-защитника в производстве следственных действий с участием его подзащитного.

Обозначенное правомочие защитника предусмотрено п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ и оно, несомненно, имеет большое значение как относительно общей защиты законных интересов подозреваемого или обвиняемого, так и противодействия возможным нарушениям хода следственных действий со стороны должностных лиц.

По справедливому мнению В.А. Лазаревой, «участие адвоката в проводимых официальными органами действиях выступает эффективным средством контроля законности их проведения и тем самым гарантирует допустимость получаемых в ходе этой деятельности доказательств. Поэтому чем больше у адвоката возможностей участвовать в процессуальной деятельности органов расследования, тем законнее, а, следовательно, эффективнее оказывается эта деятельность» [40, с. 23].

Законодатель в нормах УПК РФ не предусматривает обязательного участия защитника при производстве следственных действий с участием его подзащитного — данное решение защитник принимает самостоятельно с учетом своих возможностей и согласования с подзащитным.

«Нигде не говорится об обязанности выбранного обвиняемым адвоката прибыть на какое-либо следственное действие и принять в нем участие» [32, с. 37] – пишет И. Копылов.

В.А. Лазарева придерживается подобного мнения, говоря о том, что «поскольку категорического требования участия в каждом процессуальном действии закон не содержит, следует признать, что этот вопрос решается обвиняемым и защитником по согласованию между ними» [39, с. 191].

При наличии добросовестного отношения со стороны адвоката-защитника к оказанию подзащитному квалифицированной юридической помощи и при наличии доверительных отношений с подзащитным, такой порядок не вызывает каких-либо сложностей, но в иных ситуациях отсутствие такой обязанности может стать причиной срыва следственного действия, если об участии в нем защитника ходатайствовал подозреваемый или обвиняемый, а защитник не явился, что в свою очередь может негативным образом сказаться на реализации права данного лица на получение квалифицированной юридической помощи.

С другой стороны, праву защитника на участие во всех следственных действиях, проводимых с участием его подзащитного, должна корреспондировать обязанность следователя (дознателя) своевременно информировать защитника о месте и времени производства данных следственных действий.

Несмотря на то, что данное утверждение находит поддержку [63]-[64], на практике вопрос решается неоднозначно.

Однако, косвенно, должностное лицо, осуществляющее производство по делу, всё же, должно проинформировать защитника о месте и времени производства следственных действий, в которых тот вправе принять своё участие, если мы обратимся к содержанию ч. 2 ст. 16 УПК РФ, в соответствии с которой следователь (дознатель) разъясняет подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивает им возможность защищаться всеми, не запрещенными УПК РФ, способами и средствами.

Таким образом, если следователь не уведомит защитника о месте и времени производства следственного действия с его подзащитным – говорить о том, что реализована возможность эффективной реализации прав и законных интересов подзащитного нельзя. Значит, обязанность, всё же есть, хотя и недостаточно чёткая.

Цель участия защитника в следственных действиях, проводимых с его подзащитного может заключаться не только в, собственно, оказании квалифицированной юридической помощи. Побочными целями могут выступать:

- оказание моральной поддержка лица;
- обеспечение законности производства процессуальных мероприятий;
- получение сведений, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела с позиции защиты и т.п.

Это справедливо в отношении участия в производстве любого следственного действия с подзащитным.

Обратимся к специфике участия адвоката-защитника в производстве отдельных следственных действий с участием подзащитного.

Одним из наиболее информативных и востребованных следственных действий является допрос подозреваемого (обвиняемого). Не случайно законодатель, формулируя п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ делает акцент именно на допросе: «участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Смысл участия защитника в допросе подозреваемого (обвиняемого) состоит в том, чтобы обеспечить проведение допроса в рамках закона, не допустить применение в ходе допроса угроз, грубости, физического или психического насилия, защитить законные интересы подозреваемого

(обвиняемого), способствовать выявлению фактов, оправдывающих или смягчающих его наказание.

Перед допросом защитник может встретиться наедине с обвиняемым и обсудить план защиты на предстоящем допросе, в том числе и круг вопросов, которые могут быть поставлены допрашиваемому.

Основная задача, стоящая перед защитником при участии в допросе подозреваемого или обвиняемого, состоит в обеспечении проведения допроса в соответствии с законом.

В ходе допроса адвокат-защитник, действуя в интересах подзащитного, вправе прервать допрос и попросить свидания наедине с подзащитным. Поскольку такое право защитника впервые предусмотрено в УПК РФ, выскажем некоторые соображения о содержании подобных консультаций.

Это могут быть разъяснения прав подзащитного, если они не полностью или не вполне понятно разъяснены следователем или вопрос о них возник по ходу следственного действия. Представляется, что защитник может рекомендовать подзащитному воспользоваться своим правом не отвечать на те или иные вопросы следователя (п. 2 ч. 4 ст. 46, п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ):

- потребовать участия в допросе переводчика, если выясняется, что допрашиваемый плохо владеет языком, на котором ведется допрос (п. 7 указанных выше статей УПК РФ);
- не давать показаний в ночное время, если отсутствуют исключительные обстоятельства, указанные в ч. 3 ст. 164 УПК РФ и т.п.

В ходе допроса защитник может задавать подзащитному с разрешения следователя вопросы. Это будут в основном вопросы, направленные на выяснение обстоятельств, свидетельствующих о непричастности подзащитного к преступлению, исключающих преступность и наказуемость деяния, смягчающих наказание. Следователь вправе отвести вопросы защитника, но обязан занести отведенные вопросы в протокол.

Часть 2 ст. 53 УПК РФ предоставляет защитнику, участвующему в производстве следственного действия (в том числе и допроса подозреваемого, обвиняемого), право в рамках оказания юридической помощи своему подзащитному давать ему в присутствии следователя краткие юридические консультации. Однако в ходе следственного действия защитник не вправе напрямую рекомендовать допрашиваемому, какие именно давать показания, каким образом отвечать на те или иные вопросы следователя.

Наконец, защитник вправе делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записи показаний подзащитного в протоколе допроса.

Принимая участие в производстве любого следственного действия с участием подзащитного, защитнику следует иметь в виду потенциальную возможность злоупотреблений со стороны следователя, а также завуалированных нарушений процессуальной формы.

Кроме того, защитнику необходимо «предусмотреть, какие смягчающие обстоятельства, а также обстоятельства, оправдывающие подзащитного, можно выявить в ходе следственного действия, способы их выявления, негативную для подзащитного информацию, которая может проявиться в ходе следственного действия, и какими средствами можно ее нейтрализовать» [52, с. 19] – пишет И.А. Насонова.

В целях полноценной и качественной защиты подозреваемого или обвиняемого, подвергнутого уголовному преследованию, и не упустить такого рода процессуальные нарушения, адекватно истолковывая те, или иные, аспекты производства следственного действия, у защитника может возникнуть необходимость в использовании технических средств при производстве следственных действий. УПК РФ не содержит однозначного решения этого вопроса.

Другими словами, возможность использовать аудио- и (или) видеозаписи хода производства следственного действия (например, допроса

или очной ставки) защитником остаётся не ясной. Как представляется, решение данного вопроса является прерогативой следователя.

Как представляется, использование технических средств в данном контексте можно рассматривать как право защитника, предусмотренное п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ «использовать иные не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты».

Ведь осуществление аудио- и (или) видеозаписи хода производства следственного действия может позволить значительно экономить время и всегда иметь при себе необходимые для выполнения задач защиты материалы. Защитник может в любой момент, в случае возникновения необходимости, ознакомиться с имеющимися у него материалами произведённой аудио- и (или) видеозаписи допроса.

Таким образом, желая применить соответствующее записывающее устройство, адвокату-защитнику следует согласовать данный вопрос со следователем, во избежание конфликтной ситуации.

Тем более, что значение такой записи будет ограничиваться лишь прикладными задачами: адвокату-защитнику будет удобнее готовить и обосновывать позицию защиты по делу. Использовать в доказывании данную запись – нельзя.

Опять же, производство аудио- и (или) видеозаписи будет способствовать соблюдению всех процедурных моментов со стороны следователя – другими словами, это может дополнительно дисциплинировать соответствующее должностное лицо.

Таким образом, предлагается нормативно урегулировать возможность защитника производить аудио- и (или) видеозапись хода и результатов производства следственного действия, в котором он принимает участие в интересах своего подзащитного.

Для этого следует внести изменения в п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, дополнив его соответствующим правомочием.

В новой редакции указанная норма может быть сформулирована следующим образом: «5) участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника в порядке, установленном настоящим Кодексом, а также производить аудио- и (или) видеозапись производства соответствующего следственного действия».

В случаях допущенных следователем нарушений защитник должен немедленно реагировать на них, если они влияют или могут повлиять на результаты действия в негативном для защиты направлении или в той или иной степени ущемить либо ограничить права и законные интересы подзащитного.

Если нарушается уголовно-процессуальный порядок действия, то сомнительным становится доказательственное значение полученной информации.

Так, в соответствии со ст. 50 Конституции РФ и ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением федерального закона, не допускаются при осуществлении правосудия, признаются не имеющими юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться при доказывании.

Защитнику следует принимать активное участие в информировании своего подзащитного до и после производства того, или иного, следственного действия, указывая на процессуальные нюансы, имеющие значение.

Реализация данной рекомендации зависит целиком и полностью от согласованности позиции доверителя и его защитника, но, если подзащитный находится под стражей, реализация полноценной контактной работы может быть усложнена, на что обращается внимание в публикациях [8, с. 151-157].

Тем не менее, адвокат-защитник наделён п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ необходимым правомочием в виде права иметь с доверителем свидания, причём без ограничения их числа и продолжительности.

Более того, для того, чтобы право на квалифицированную юридическую помощь было реализовано в полной мере, законодатель, в соответствии с имеющимися на данный счёт нормами международно-правового характера, закрепляет возможность проведения таких свиданий наедине и конфиденциально, в том числе до производства следственного действия, включая допрос.

Как верно отмечается в публикациях, «свидание накануне следственного действия необходимо как для защитника, так и для подзащитного. Оно используется с целью подготовить подзащитного к следственному действию, согласовать позиции защитника, с одной стороны, и обвиняемого, подозреваемого – с другой» [52, с. 20].

Представляется, что учёт адвокатом-защитником подобных рекомендаций может повысить эффективность его участия в следственных действиях.

Глава 3 Анализ нравственных аспектов деятельности адвоката-защитника в уголовном процессе

3.1 Общая характеристика нравственных основ деятельности адвоката-защитника в уголовном процессе

Уголовное судопроизводство детально регламентировано нормами процессуального права, но это не означает, что морально-нравственные предписания, как разновидность социальных норм и как форма общественного сознания вытеснена из уголовно-процессуальной деятельности.

С учётом особой процессуальной роли адвоката-защитника в контексте уголовно-процессуальной деятельности, нравственный аспект реализации данным участником уголовного судопроизводства своего предназначения играет, несомненно, важную роль.

Данные нравственные императивы адресованы положениями действующего законодательства представителям адвокатского сообщества – в этой связи, те положения, которые касаются участия адвоката в производстве по уголовным делам, мы в полной мере можем распространить на защитника, ведь именно в данном процессуальном качестве адвокаты прежде всего и выступают в уголовном судопроизводстве.

Закон об адвокатской деятельности и адвокатуре обязывает адвоката постоянно совершенствовать свои знания, повышать квалификацию, соблюдать Кодекс профессиональной этики, действие которого распространяется на всех адвокатов, действующих на территории РФ без исключения.

Следует подчеркнуть, что он устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, а также на международных стандартах и правилах адвокатской профессии.

Кодекс профессиональной этики адвоката органично дополняет правила, установленные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, при этом никакое положение Кодекса не должно толковаться как предписывающее или допускающее совершение деяний, противоречащих требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Некоторые авторы утверждают, что «нравственными чертами адвоката должны быть объективность, глубокое уважение к закону и интересам правосудия. Для защитника, положение которого осложнено тем, что он связан интересами обвиняемого, должно быть одинаково чуждо как оправдание его за счет умаления социальной опасности преступления, так и преждевременная сдача позиций без борьбы, без использования всех возможностей, предоставленных ему законом» [54, с. 11].

Тем не менее, говорить об объективности относительно деятельности адвоката-защитника можно с очень большой оговоркой – защитник действует сугубо исходя из интересов клиента, а значит, что даже располагая объективными данными о его виновности, эти сведения защитник ни в коем случае не может использовать против своего подзащитного. Обратное противоречило бы природе адвокатской деятельности.

Закон об адвокатуре ввел присягу адвоката, которая, несомненно, отвечает представлениям отечественной адвокатуры о долге адвоката: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять обязанности адвоката, защищать права, свободы и интересы доверителей, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката» (ст. 13).

Представляется, что нравственные основы деятельности адвоката-защитника в уголовном процессе могут рассматриваться как нормативная система внутренне-согласованных нравственно-этических предписаний, имеющих обязательную силу и регулирующих деятельность защитника на всех стадиях производства по уголовному делу на основах моральных общечеловеческих и профессиональных стандартов.

Нравственно-этическое регулирование взаимоотношений адвоката-защитника с его подзащитным составляет центральную и основную часть нормативной системы адвокатской этики.

Задача адвокатской этики «не дать готовые рецепты на все случаи жизни, но научить культуре нравственного мышления, дать надежные ориентиры для решения конкретных ситуаций, влиять на формирование нравственных установок у специалиста в соответствии со специфическими требованиями профессии, объяснение и оценку выработанных адвокатской практикой стереотипов поведения в областях, не урегулированных правом» [14, с. 25].

Очевидно, что нормы адвокатской этики, сформулированные в кодексе не способны детально и исчерпывающе урегулировать все многообразие нравственных проблем, которые могут, в принципе, возникнуть в процессе осуществления защиты при производстве по уголовным делам.

Тем не менее, задача имеющихся предписаний – стать тем ориентиром, который позволит адвокату-защитнику выбрать должную линию поведения, а органу, осуществляющему дисциплинарную практику, оценить правильность избранной линии, с учётом специфики конкретной правовой ситуации.

Примечательно, что в тех случаях, когда вопросы профессиональной этики адвоката не урегулированы законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре или Кодексом адвокатской этики, адвокату следует соблюдать сложившиеся в адвокатуре обычаи и традиции, соответствующие общим принципам нравственности в обществе. При этом, когда адвокат не уверен в том, как действовать в сложной этической ситуации, он имеет право обратиться в Совет соответствующей адвокатской палаты субъекта Российской Федерации (членом которой он является) за разъяснением, в котором ему не может быть отказано. Данное положение содержится в п. 4 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Значение адвокатской этики применительно к производству по уголовным делам состоит в том, чтобы обеспечить исполнение адвокатом-

защитником наилучшим образом своих обязанностей по защите прав и охраняемых законом интересов подзащитного, определить должное поведение адвоката при исполнении этих обязанностей, придать нравственный характер адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве, наполнив ее гуманистическим содержанием, формировать должный уровень доверия общества и государства к адвокатуре институту гражданского общества.

Ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката определяет, что закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя.

Именно поэтому никакие пожелания, просьбы или указания доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных Кодексом профессиональной этики адвоката, не могут быть исполнены адвокатом.

Это является тем категорическим императивом, который выступает в качестве того самого необходимого исключения из общего правила о том, что интересы подзащитного являются тем, чем адвокату-защитнику надлежит руководствоваться в своей деятельности защитника по конкретному уголовному делу.

М.Ю. Барщевский полагает, что «исследования, посвященные вопросу об этических требованиях, предъявляемых к адвокату, в качестве краеугольного камня определяют честность, компетентность, добросовестность во всех областях адвокатской деятельности» [10, с. 26].

Данная позиция берёт своё начало в положениях ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Честность – является этической категорией, связанной с безусловным нравственным требованием проявления искренности и правдивости во взаимоотношениях с другими людьми.

В литературе указывается: «Адвокату прежде всего необходимо вести себя как порядочному человеку, никогда не утверждать чего-нибудь, противного истине, не унижать себя лживыми изворотами, не позволять себе ни малейшего обмана» [47, с. 22].

Что касается компетентности, то данное требование следует толковать, как способность и возможность адвоката-защитника, опираясь на свои специальные знания и практический опыт, разобраться в правовой ситуации и оказать необходимую правовую поддержку своему подзащитному.

Данное требование не может быть реализовано без постоянной работы адвоката над повышением своего профессионального уровня путём самостоятельной систематической работы с материалами юридической практики и научными публикациями, посвящёнными правовым проблемам, а также путём прохождения курсов повышения квалификации.

Следует отметить, что контроль за реализацией требования постоянного повышения профессионального уровня осуществляют органы адвокатского самоуправления, предписывающие с определённой периодичностью проходить подобные повышения квалификации.

На федеральном уровне принят и действует Стандарт профессионального обучения и повышения профессионального уровня адвокатов и стажёров адвокатов [75].

Следует отметить, что на уровне Палаты адвокатов Самарской области (ПАСО) реализуется широкий спектр мероприятий, направленных на формирование высокого профессионального уровня и содействие его постоянному повышению. В частности, с 2014 г. реализуется проект «Школа молодого адвоката» [67], созданный в целях повышения уровня знаний, формирования профессиональных навыков адвокатов со стажем адвокатской деятельности до одного года.

Принято и действует решение Совета Палаты адвокатов Самарской области «О видах и формах повышения квалификации адвокатов, подлежащих зачёту в счёт обязательного повышения квалификации» [68], в тексте которого предусматривается развёрнутый перечень видов и форм повышения профессионального уровня, а также периодичность и продолжительность соответствующих мероприятий.

Адвокат должен добросовестно выполнять свои обязательства перед клиентом. Добросовестность предполагает, что адвокат, оказывая клиенту юридическую помощь, использует все известные ему законные способы для разрешения проблемы, действуя при этом настойчиво, смело, проявляя должную выдержку. В свою очередь у клиента должно быть чувство уверенности, что адвокат прилагает все свои знания и максимум усилий для разрешения проблемы [13, с. 12].

Таким образом, адвокатское сообщество проявляет необходимую активность для реализации указанного принципа, необходимого для полноценной защиты подозреваемого или обвиняемого в уголовном судопроизводстве.

Добросовестность профессионального поведения с позиций норм адвокатской этики в деятельности адвоката-защитника проявляется в том, что адвокат-защитник не должен давать подзащитному заверений и гарантий в отношении результата его участия в производстве по делу в качестве защитника, которые могут прямо или косвенно вызывать у подзащитного необоснованные надежды или представления, что адвокат-защитник может повлиять на результат другими средствами, кроме добросовестного выполнения своих обязанностей.

У адвоката должны присутствовать и такие качества, как вера в справедливость, гуманность, чуткость, уважительное отношение к людям. Адвокат не может и не должен унижать человеческое достоинство кого бы то ни было [28, с. 297].

Очевидно, что базовой составляющей взаимоотношений адвоката-защитника и его подзащитного выступает доверие, в котором находит своё отражение не только правовая природа данных взаимоотношений, но и нравственная сторона.

«Консультируя клиента, адвокат должен помнить, что его задача – не только дать правильный совет, но и убедиться в том, что этот совет правильно понят. Совет адвоката должен быть понятным и четким, ясно выражающим то,

что адвокат откровенно думает по поводу плюсов и минусов рассматриваемой ситуации, а также возможных результатов судебного рассмотрения спора» [10, с. 60] – пишут специалисты.

Есть мнение, что «адвокат, выполняющий поручение по обязательному назначению, должен разъяснить своему подзащитному наличие у него права пригласить адвоката по соглашению» [3, с. 198].

Адвокат не вправе изменять позицию защиты, которую он согласовал с клиентом. Также адвокат не вправе признавать доказанной вину подзащитного, если последний ее не признает.

В том случае, если подзащитный признает факты, лежащие в основе обвинения, как содержащие признаки состава преступления, но отрицает при этом свою виновность, адвокат должен исходить из необходимости надлежащей правовой оценки этих фактов, разъяснив при этом подзащитному неизбежность расхождения с его позицией.

Если обвиняемый признает свою вину, но это признание не подкрепляется другими доказательствами, и материалы дела, таким образом, свидетельствуют о необоснованности обвинения, адвокат, по согласованию со своим подзащитным, вправе разойтись с его позицией и занять независимую позицию [2, с. 125].

В случае, когда признание виновности было вызвано незаконным воздействием на обвиняемого, адвокат-защитник обязан принять зависящие от него меры к установлению этого обстоятельства и исключению признания из числа доказательств обвинения.

К числу положений, имеющих этическое содержание, относится положение о том, что адвокат, принявший поручение на защиту в стадии предварительного следствия в порядке назначения или по соглашению, не вправе отказаться без уважительных причин от защиты в суде первой инстанции.

Адвокат-защитник, как представляется, не должен без необходимости ухудшать положение других подсудимых. Всякие действия адвоката против

других подсудимых, чьи интересы противоречат интересам подзащитного, оправданны лишь тогда, когда без этого не может быть осуществлена в полной мере защита его доверителя. На это указывается в некоторых публикациях [19, с. 52-55].

Адвокат-защитник, как правило, должен обжаловать приговор, вынесенный в отношении своего подзащитного:

- несовершеннолетнего или страдающего психическими недостатками;
- если суд в приговоре не разделил позицию адвоката-защитника и назначил наказание более тяжкое или за более тяжкое преступление, чем просил адвокат;
- если адвокат усматривает наличие правовых оснований для смягчения приговора.

Если осужденный, кроме несовершеннолетних и лиц, страдающих психическими недостатками, возражает против обжалования приговора, адвокат должен по возможности получить от него письменный отказ от обжалования приговора [3, с. 199].

Особенно следует обратить внимание на соблюдение вопросов конфиденциальности в деятельности адвоката защитника. Очевидно, что доверительные отношения с подзащитным не могут быть построены без уверенности последнего в том, что информация, имеющая отношение к оказываемой ему квалифицированной юридической помощи не будет где-либо обнародована без его согласия на это. Речь идёт об институте адвокатской тайны.

Адвокат обязан соблюдать адвокатскую тайну, проявлять конфиденциальность в отношении сведений, полученных от клиента, содержание которых стало ему известно благодаря исполнению адвокатом профессиональных обязанностей.

Кодекс профессиональной этики адвоката определил, что «на обязанность соблюдения конфиденциальности не распространяется действие

срока давности», а значит, обязанность не разглашать предмет адвокатской тайны продолжает действовать и после выполнения адвокатом-защитником всех своих процессуальных обязанностей, связанных с оказанием юридической помощи конкретному лицу.

Одной из ключевых этических проблем является вопрос о том, какой именно характер адвокатской тайны по объективной характеристике устанавливаемого запрета? Ряд специалистов высказывают суждения о том, что адвокатскую тайну нельзя считать абсолютной и не подлежащей разглашению ни при каких обстоятельствах, рассуждая о возможных основаниях для правомерного разглашения информации, составляющей предмет адвокатской тайны. В частности, одним из вопросов, занимающих умы юристов в данном контексте является вопрос о том, как поступить адвокату-защитнику с позиций профессиональной этики, если ему стало известно о совершённом, или планируемом его подзащитным противоправном деянии?

В целом обязанность адвоката молчать о совершённом преступлении редко подвергается сомнению. Как заметил С.Л. Ария, «при состоявшемся действии сообщение о нем может преследовать единственную цель - кару, и адвокат не может выступать как помощник карательных органов государства» [6, с. 37].

В качестве основания строгого следования такому запрету многие авторы указывают на невозможность предать обратившегося к адвокату за правовой помощью.

Очевидно, что в данном контексте проявляются два основания сохранения информации о совершённом доверителем преступлении в тайне. Первое основание связывает такую необходимость с публичной функцией адвоката, который, будучи защитником, не может содействовать выявлению преступлений, о которых ему стало известно в процессе профессиональной деятельности, и наказанию за них. Второе основание имеет непосредственное

отношение к этике взаимоотношений с доверившимся человеком — его нельзя предать.

Но как быть адвокату, если ему в связи с исполнением профессиональных обязанностей стало известно о готовящемся преступлении?

Чаще всего авторами указываются лишь случаи готовящихся тяжких и особо тяжких преступлений, но иногда встречается и расширительное толкование, распространяющееся на любое уголовно наказуемое деяние. Следует заметить, что сторонники этого исключения из правила конфиденциальности могут опираться на зарубежный опыт, в частности на п. 1.6 Типовых правил профессиональной этики Ассоциации американских юристов, где четко определена возможность разглашения адвокатской тайны «для недопущения совершения клиентом преступных действий, могущих, по мнению адвоката, привести к смерти или тяжким телесным повреждениям».

В частности, А.С. Таран, оценивая содержание данного пункта как удачный пример разрешения проблемы, полагает, что «положения, устанавливающие исключения из адвокатской тайны, должны быть детально проработаны и прямо закреплены в законодательном акте» [76, с. 156-157].

Следует отметить, что законодательство Швеции и Нидерландов содержит специальную норму, предусматривающую защиту адвоката в случае раскрытия им адвокатской тайны в целях предупреждения преступления [20, с. 21].

Более того, данная дискуссия иногда переходит из разряда обсуждения возможности разглашения в разряд обязанности адвоката-защитника в определённой ситуации разгласить информацию, полученную от подзащитного.

Н.С. Манова считает, что «адвокат обязан разгласить адвокатскую тайну при реальной угрозе совершения преступления, в случае ложного оговора одним обвиняемым другого, заведомо невиновного; об укрывающихся

сообщниках обвиняемого, продолжающих совершать преступления, а также в случае оговора клиентом самого адвоката» [45, с. 203].

Фактически обязанность хранить молчание предлагается совместить с обязанностью доноса, который, к тому же, сопряжен с выяснением адвокатом вопросов виновности, т.е. тех вопросов, которые решаются только судом.

Но в таком случае, «можно было бы обязать адвоката начинать любое общение с доверителем с перечисления случаев, в которых адвокат немедленно донесет. Будет ли в этих условиях возможна защита? Ведь с тем же успехом доверитель мог бы проконсультироваться и у следователя. Мало того, профессиональные функции адвоката в таком случае приобретают некоторую полицейскую специфику по сравнению с обязанностями остальных граждан, которые не обязаны доносить» [86, с. 70] – пишет в этой связи А.Л. Цыпкин.

Впрочем, многие специалисты, затрагивая рассматриваемый вопрос, исходят только из обязательств адвоката перед своим доверителем, из невозможности поступить вопреки его воле.

Как указывает Б.Т. Безлепкин, «располагая сведениями о преступлениях, полученными от доверителя, адвокат по отношению к нему (доверителю) ни при каких обстоятельствах не вправе распоряжаться этими сведениями по своему усмотрению... Любые оговорки на этот счет неизбежно приведут к такому режиму, когда адвокатура превратится в агентурный аппарат органов расследования, что можно представить себе только в государстве, стоящем в стороне от цивилизации» [11, с. 341].

А.Г. Кучерена полагает, что, разглашая информацию о готовящемся преступлении, адвокат «ставит интересы общества или другого лица превыше интересов своего доверителя», а потому точка зрения, допускающая подобное разглашение «не бесспорна» [38, с. 49].

Весьма категорично высказываются по этому поводу И.Л. Трунов и Л.К. Трунова: «Дискуссию о возможности разглашения адвокатской тайны, как нам видится, необходимо переводить из плоскости «возможно ее

разглашать или нет» в плоскость «невозможно ни при каких обстоятельствах», а основным вопросом дискуссии должна быть мера ответственности в форме уголовного, административного, материального и морально-этического наказания» [79, с. 18].

В своей статье об адвокатской тайне С.Л. Ария показывает всю сложность ответа на вопрос о возможности разглашения такой информации, особенно в случаях, когда «голос морального долга звучит непереносимо мощно» [6, с. 37]. Автор сравнивает адвокатскую тайну с тайной исповеди и в этом находит вероятный ответ на вопрос об относительной или абсолютной обязательности принципа адвокатской тайны.

Данную точку зрения так или иначе разделяют многие правоведы. В частности, М.Б. Смоленский замечает, что «предательство доверившегося считается самым тяжким грехом не только в этической традиции адвокатуры, но и в культурной традиции вообще, начиная с ее религиозных основ» [73, с. 144].

Таким образом, если развить эту мысль, получается, что обязанность адвоката молчать вытекает не только из адвокатской, но и из общечеловеческой этики.

Дискуссия по данному поводу в основном сосредоточена на вопросе о том, может ли адвокат в исключительных случаях и при соблюдении строго определенных правил иметь право (но не обязанность) донести о готовящемся преступлении.

Даже правила крайней необходимости, упоминаемые некоторыми авторами, как верно заметила И.В. Смолькова, «никакого отношения к запрету доносить на подзащитного не имеют, существует необходимость соблюдения принципов законности и нравственности, а не решимость их нарушения» [74, с. 6].

Данный запрет и обсуждаемое исключение из него представляют собой один из самых интересных этических парадоксов адвокатуры. Здесь, как верно замечает С.В. Лукошкина, «идет столкновение двух моралей: с одной стороны,

интересы клиента, доверившего тайну, с другой — жизнь людей, если речь идет о готовящемся преступлении» [44, с. 135].

Указанный автор возражает против исключений из адвокатской тайны даже в указанных случаях, обосновывая это тем, что «невозможно знать наверняка, совершится ли преступление, а раскрыв тайну доверителя, адвокат нарушит его право на профессиональную защиту» [44, с. 136].

С данным доводом трудно согласиться, как минимум, по причине сопоставления в одном ряду несопоставимых, в принципе, категорий: права на жизнь, и право на квалифицированную юридическую помощь и защиту в рамках производства по уголовному делу. Право на жизнь, несомненно, категория имеющая максимальный приоритет, но данный вопрос не может быть решен только в рамках профессиональной этики адвокатов.

Именно эта достаточно редкая на практике ситуация показывает, насколько сложным бывает соотношение норм морали и адвокатской этики. В данном случае следует допустить приоритетность основополагающих норм общечеловеческой морали, поскольку многие из них, прежде всего нормы, предполагающие абсолютную ценность человеческой жизни, как раз и нарушаются в результате совершения некоторых преступлений.

Здесь адвокатская этика, — основанная на верности адвоката доверившемуся ему человеку, на невозможности нанести ему вред в связи с оказанием юридической помощи, на допустимости сокрытия, в том числе противозаконных деяний клиента, на принципиальной невозможности доносительства, — не избавляет адвоката от тяжелейшей моральной ответственности за принятие решения о необходимости предотвращения преступления. В этом ему могут помочь его совесть, профессиональный опыт, интуиция.

Как пишет Е.В. Кудряшова «и уж если в разумных пределах допускается разглашение тайны при обосновании позиции адвоката в производстве по возбужденному против него дисциплинарному или иному делу, то целесообразно сделать аналогичное исключение в отношении

рассматриваемых случаев, с тем, чтобы у адвоката была законная возможность вести себя согласно нравственным принципам» [35, с. 113].

Право адвоката на сообщение о готовящемся преступлении и процедура реализации этого права, в том числе моменты, вытекающие из очевидной, с точки зрения моральных норм, обязанности адвоката уведомить доверителя о предстоящем доносе, должны быть как можно более четко отражены в законодательстве.

В то же время ценность профессиональной тайны как ключевого звена адвокатской деятельности такова, что далеко не всякая информация и не о всяком готовящемся преступлении может рассматриваться в качестве возможного основания для доноса – действия, противоречащего самой природе адвокатской деятельности.

Казалось бы, не дело адвоката взвешивать и оценивать степень опасности предполагаемого преступления, соотносить ее с ущербом от нарушения адвокатской тайны. Но в то же время, «распространять право доноса на всякий случай готовящегося преступления невозможно – тогда о доверительности можно будет забыть» [5, с. 64].

Право доноса на доверителя или лиц, связанных с ним, может быть истолковано, в том числе и самим адвокатом, очень широко, поэтому очень важны основания для признания за адвокатом данного права.

В этом плане представляет интерес замечание М.Ю. Барщевского о том, что «разглашение конфиденциальной информации, необходимое для предотвращения преступления, будет законным, если у адвоката имеются достаточные основания предполагать, что существует реальная вероятность совершения преступления и неизбежно складывается ситуация, когда предупреждение преступления путем разглашения информации является единственной возможностью его предотвращения... поскольку адвокатская тайна не есть «величина самоценная» и само понятие адвокатской тайны возникло в интересах общества, то и степень ее охраны должна соотноситься с теми же интересами общества» [10, с. 142].

При этом М.Ю. Барщевский считает, что раскрытие информации в таком случае не просто будет законным – адвокатская тайна должна быть раскрыта «в обязательном порядке» [10, с. 142]. С данным тезисом с точки зрения общечеловеческой морали, вряд ли можно безоговорочно согласиться.

Представляется, что адвокат-защитник, независимо от наличия у адвокатуры, как института гражданского общества, публичных составляющих, в своей деятельности должен исходить из базовых, принципиальных приоритетных начал интересов конкретной личности, защитником которой он выступил, а не абстрактных интересов общества, истолковать которые можно неопределённо широко. По этой причине интересы общества и государства не должны ни в каких ситуациях, применительно к деятельности адвокатуры, противопоставляться интересам индивида и выступать в качестве основания для изъятий из адвокатской тайны.

Вопрос, как уже было отмечено, очень сложный и не имеет однозначного, линейного решения – не имеет того универсального «рецепта», который был бы применим в любой ситуации. Решая его в каждом индивидуальном случае, адвокату-защитнику следует, как представляется, ориентироваться не на правовые предписания, а на своё внутренне представление о нравственной возможности, либо невозможности сохранения информации, полученной от подзащитного, в тайне в соответствующих ситуациях.

В отдельном аспекте можно согласиться с позицией М.Ю. Барщевского. В частности, разглашение информации, полученной от доверителя, может быть оправданным (но не во всех случаях без исключения), когда такое разглашение будет являться единственной доступной возможностью предотвратить совершение уголовно наказуемого деяния подзащитным.

Как считает Г.Д. Мепаришвили: «Формальным основанием для реализации такого права могли бы стать очевидные случаи готовящегося тяжкого (особо тяжкого) преступления» [50, с. 75].

В чём едины участники подобных обсуждений, так это в выводе о том, что адвокату-защитнику, получившему от подзащитного информацию о намерении им совершить новое преступление, непременно следует попытаться всеми доступными средствами и доводами отговорить доверителя от такого противоправного поведения.

При этом представляется, что если взять за основу идею о том, что следует нормативно определить общие критерии допустимости разглашения адвокатом адвокатской тайны, то такие положения следует конкретизировать. Думается, что речь должна идти не о всяком тяжком или особо тяжком преступлении, а о тяжком или особо тяжком преступлении против жизни и здоровья, ведь «если адвокаты начнут доносить, например, о подготовке особо тяжких экономических преступлений, то о независимой и уважаемой в обществе адвокатуре можно забыть» [53, с. 16] – данное утверждение имеет под собой основу.

Следует согласиться с А.В. Закомолдиным, который полагает, что «решение о возможности раскрытия подобной информации должно приниматься адвокатом самостоятельно, на основе собственных нравственно-этических представлений о мере должного. Кроме того, нельзя забывать и о возможности адвоката реализовать свое право обратиться в Совет соответствующей адвокатской палаты субъекта Российской Федерации за разъяснением на этот счет, в котором ему не может быть отказано (ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката)» [24, с. 176].

Условия, предполагающие реализацию адвокатом права на сообщение о готовящемся преступлении, а также процедура реализации и юридические последствия использования этого права, в частности недопустимость признания такой информации в качестве доказательств, невозможность дальнейшего выполнения данного поручения адвокатом, требуют отдельного исследования.

Хотя подобные правовые ситуации, имеющие сложное нравственное содержание, не являются закономерностью правоприменительной практики,

тем не менее, данный вопрос является одним из принципиальных вопросов адвокатуры, от ответа на который зависит концептуальное понимание базовых начал адвокатской этики, применительно к уголовному судопроизводству.

3.2 Нравственные аспекты поведения адвоката-защитника во взаимоотношениях с правоохранительными органами и судом

Несмотря на то, что подавляющее большинство вопросов этического содержания касается взаимоотношений адвоката-защитника со своим подзащитным, целый ряд вопросов нравственно-этического плана в деятельности адвоката-защитника связана с его взаимодействием с правоохранительными органами и судом.

Адвокату-защитнику, принимающий участие в предварительном следствии, следует строить свою работу таким образом, чтобы его процессуальная активность не подрывали авторитет государства в лице правоохранительных органов, не дискредитировала коллег и не унижали достоинство участников процесса.

Все процессуальные действия адвокат-защитник должен согласовывать с подозреваемым (обвиняемым), разъясняя их процессуальное значение, правовое содержание и возможные последствия.

При осуществлении защиты на предварительном следствии защитник должен быть непримирим к нарушениям законодательства – в частности, гарантий права и законных интересов клиента. Особенно когда это касается незаконных и противоправных методов, граничащих с преступными.

Некоторые исследователи отмечают, что «в случае если при рассмотрении дела проявляется тенденциозность, ущемляющая права обвиняемого, адвокат обязан использовать все предусмотренные законом средства для пресечения таких нарушений. Свои возражения против неправильных действий следователя или органов дознания адвокат обязан

облекать в форму, предусмотренную законом (а именно отсылки к закону)» [27, с. 115-116].

При посещении мест предварительного заключения адвокат-защитник не должен нарушать существующий режим данных учреждений, осуществлять передачу обвиняемому, находящемуся под стражей записки, вещи, продукты, алкогольные напитки, наркотические или психотропные вещества, иные запрещенные предметы, равно как и от него – другим лицам.

Этическая сторона отношений адвоката-защитника с судом отличается значительно более высокими требованиями, чем те, которые предъявляются к иным лицам.

Есть обоснованное мнение, что «основное правило построения взаимоотношений адвоката с судом должно быть следующим: всеми своими действиями, высказываниями, публичными выступлениями адвокат должен способствовать формированию в обществе уважительного отношения к судебной-правовой системе в целом и к отдельным ее представителям в частности» [10, с. 128].

При соблюдении должного уважения к суду адвокат обязан защищать интересы клиента добросовестно и с максимальной для него выгодой, однако не выходя за предусмотренные законодательством рамки.

Адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии. Возражая против действий судей и других участников процесса, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом.

Недопустимы пререкания адвоката с судом и скандализирование процесса; недопустимы и аморальны оскорбительные реплики в адрес участников процесса. Помимо того, что подобное поведение является нарушением этических требований, присущих адвокатской профессии, оно, в дополнение ко всему, является формой нарушения порядка в судебном заседании, влекущим применения меры процессуальной ответственности в виде денежного взыскания, что предусмотрено ст. 117 УПК РФ.

Адвокат, принимая участие в процессуальной деятельности как в досудебном, так и в судебном производстве, должен следовать законным требованиям должностных лиц (следователя, дознавателя, прокурора, руководителя следственного органа и т.д.) и соблюдать установленный процедурный порядок производства по уголовному делу.

Как участник судебного разбирательства, адвокату-защитнику надлежит проявлять уважительное отношение к иным участникам производства по делу – как имеющим властные полномочия, так и принимающих участие в деле в силу личного интереса, или в силу осуществления содействия следствию и суду в реализуемой деятельности.

При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени адвокат-защитник, по возможности, должен заблаговременно уведомить об этом суд или следователя, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними взаимоприемлемое время (ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката).

К грубым нарушениям профессиональной этики, в частности, относятся факты неявки адвоката в суд без уважительной причины, систематические опоздания на судебные заседания, нарушения порядка в зале суда и прочие нарушения, создающие препятствия нормальному производству по уголовному делу и противоречащие нормам адвокатской этики.

Резюмируя сказанное, следует сделать вывод о том, что свои взаимоотношения с судом и правоохранительными органами, в контексте осуществления защиты доверителя, адвокату-защитнику необходимо строить, основываясь на профессиональных стандартах и принципах морали. Сочетание в деятельности адвоката-защитника высоких профессиональных качеств, с нормами и принципами нравственности и гуманизма, является тем эталоном, к которому следует стремиться каждому представителю адвокатской профессии.

Заключение

В заключении проведённого исследования, подведем его общие итоги и сформулируем выводы и предложения.

В первую очередь, необходимо отметить, что по общему правилу в качестве защитника в уголовном процессе принимают участие адвокаты, однако, это не единственный возможный вариант, что не позволяет нам отождествлять категорию «защитник» и категорию «адвокат». Закон содержит возможность привлекать в качестве защитника лиц, не обладающих статусом адвоката: при производстве у мирового судьи – в качестве единственного защитника, при производстве во всех остальных судах – наряду с адвокатом защитником. При этом, возможность привлечения данных лиц ограничена только судебным производством, несмотря на не достаточную чёткость указания на это в УПК РФ. Данный подход следует признать правильным, учитывая то, что характер складывающихся в досудебном производстве процессуальных отношений сложен и требует соответствующих знаний и опыта для того, чтобы эффективно осуществлять защиту.

В науке существует спор о том, способствует ли участие иных лиц, не обладающих статусом адвоката в качестве защитников реализации права лица на получение квалифицированной юридической помощи и каким образом обеспечить баланс интересов: учесть мнение обвиняемого, а также не допустить нарушения его права на получение квалифицированной юридической помощи.

Есть предложения установить для данных лиц перечень критериев, которым они должны соответствовать, включая, наряду с требованиями дееспособности, отсутствия судимости, требование о наличии высшего юридического образования и стажа работы по юридической специальности.

Следует полностью согласиться с А.В. Закомолдиным, который считает, что спор о квалификации иного лица, не обладающего статусом адвоката и действующего наряду с адвокатом-защитником, неуместен, поскольку,

соотнося категории «квалифицированная юридическая помощь» и «защита», автор пришёл к выводу о том, что данные понятия не тождественны, несмотря на наличие у них сходных целей.

Тем более, что участие иного лица в данном случае зависит от усмотрения суда, который вправе удовлетворить или отклонить подобное ходатайство обвиняемого. Другими словами, именно суд в данном случае выступает в качестве гаранта того, что допущенный в качестве защитника субъект, не являющийся адвокатом, сможет реализовать функцию защиты тому лицу, на которое направлено уголовное преследование.

Таким образом, существующий процессуальный порядок отвечает задачам защиты прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Кроме того, указанная правовая ситуация, в которой обвиняемый желает, чтобы его защитником стал кто-то, не обладающий статусом адвоката, является, скорее, исключением из правила, а не самим правилом. По общему же правилу, защиту на всех стадиях досудебного и судебного производства осуществляет адвокат-защитник.

Представляется, что конкретный адвокат получает фактическую возможность начать реализовывать свои процессуальные возможности, связанные с оказанием квалифицированной юридической помощи лицу в статусе подозреваемого или обвиняемого лишь после получения ордера на исполнение поручения (независимо от того, по соглашению он действует или по назначению). При этом, подтверждением наличия полномочий защитника конкретного лица является, помимо удостоверения, указанный ордер.

Сказанное даёт нам основания считать защиту принятой после получения адвокатом соответствующего ордера на исполнение поручения.

Требование от адвоката-защитника каких-либо иных документов, в том числе, письменных разрешений должностных лиц стороны обвинения для допуска к обвиняемому, содержащемуся под стражей, не является законным и нарушает право лица на защиту. Таким образом, подобную практику следует считать противозаконной.

Законодатель совершенно оправданно включил в УПК РФ перечень случаев обязательного участия защитника в деле. При этом, в п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ имеется положение, в соответствии с которым, если лицо не отказалось от защитника, значит презюмируется обязательность и необходимость его участия в производстве по уголовному делу. Предложения о том, чтобы изменить данное положение на оборот: «подозреваемый, обвиняемый изъявляет желание иметь защитника» несостоятельно, поскольку новая формулировка будет предполагать полное отсутствие адвоката-защитника в процессе, за исключением тех случаев, где лицом, на которое направлено уголовное преследование, будет выражено желание его иметь.

Законодатель в нормах действующего УПК РФ в достаточной мере расширил возможности защитника, относительного его участия в доказывании, сравнительно с ранее действовавшим законодательством, тем не менее, утверждения отдельных учёных о том, что адвокат-защитник вправе проводить собственное «параллельное» или «адвокатское расследование» наравне со стороной обвинения, беспочвенны.

Адвокат-защитник не является полноценным субъектом доказывания, способным своими решениями придавать процессуальный статус доказательства тем, или иным, предметам и документам. Предложения о наделении защитника такими полномочиями тоже не могут быть реализованы, поскольку для этого нужны властные полномочия, а адвокат-защитник, исходя из природы адвокатской деятельности, их иметь не может.

Деятельность защитника по собиранию доказательств носит опосредованный характер, реализуемый через действия лиц, ведущих производство по делу, законодатель не урегулировал процедуру собирания доказательств защитником. Данная деятельность не носит процессуальный характер, а является предпроцессуальной.

Что касается привлечения защитником специалиста в интересах своего подзащитного, то представляется, что данное правомочие позволяет повысить эффективность защиты.

В вопросе обращения адвоката-защитника к специальным знаниям значительный интерес, с учётом своей проблематичности, представляет вопрос оценки уровня специальных познаний лица, которого предполагается вовлечь в качестве специалиста в процесс производства по делу. Вправе ли должностное лицо отказать стороне защиты в привлечении конкретного гражданина в данном процессуальном качестве с ссылкой на то, что данное лицо не обладает соответствующей квалификацией, или соответствующими специальными знаниями, которые требуются применительно к рассматриваемому делу?

УПК РФ не содержит требования подтверждать квалификацию специалиста, равно как и его специальные знания, предъявлением диплома о соответствующем образовании. Таким образом, оценка уровня специальных знаний лица – вопрос субъективный и решаться он должен индивидуально в каждом конкретном случае.

Мнение должностного лица стороны обвинения, относительно уровня специальных знаний, привлечённого стороной защиты специалиста не должно изначально создавать препятствие для использования его заключения в качестве доказательства. Юридически значимые последствия в отношении заключения специалиста, инициированного защитником, в виде решения о недопустимости такого доказательства, могут стать лишь результатом оценки доказательств, осуществляемой в судебном заседании с участием сторон.

Реализация указанного права несёт благо не только интересам подзащитного, но и интересам правосудия в целом, поскольку специалист, привлечённый защитником, способен помочь суду в формулировании вопросов, которые надлежит поставить перед экспертами, а также помочь выявить погрешности и нарушения в уже проведённом экспертном исследовании, основываясь на своих специальных знаниях.

Относительно участия защитника в производстве следственных действий, предлагается нормативно урегулировать возможность защитника производить аудио и (или) видеозапись хода и результатов производства следственного действия, в котором он принимает участие в интересах своего подзащитного.

Для этого следует внести изменения в п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, дополнив его соответствующим правомочием. В новой редакции указанная норма может быть сформулирована следующим образом: «5) участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника в порядке, установленном настоящим Кодексом, а также производить аудио- и (или) видеозапись производства соответствующего следственного действия».

На данный момент такая возможность находится под вопросом, решение которого является прерогативой следователя. Производство записи стороной защиты должно способствовать соблюдению всех процедурных моментов со стороны следователя – другими словами, это может дополнительно дисциплинировать соответствующее должностное лицо и способствовать более эффективной защите законных прав и интересов подзащитного.

Не менее важным в деятельности адвоката-защитника в уголовном процессе является соблюдение соответствующих морально-нравственных аспектов.

Представляется, что нравственные основы деятельности адвоката-защитника в уголовном процессе могут рассматриваться как нормативная система внутренне-согласованных нравственно-этических предписаний, имеющих обязательную силу и регулирующих деятельность защитника на всех стадиях производства по уголовному делу на основах моральных общечеловеческих и профессиональных стандартов.

Нравственно-этическое регулирование взаимоотношений адвоката-защитника с его подзащитным составляет центральную и основную часть нормативной системы адвокатской этики.

Ведущую роль в данном вопросе играют положения Закона об адвокатуре, а также положения Кодекса профессиональной этики адвоката.

Очевидно, что доверительные отношения с подзащитным не могут быть построены без уверенности последнего в том, что информация, имеющая отношение к оказываемой ему квалифицированной юридической помощи не будет где-либо обнародована без его согласия на это. Речь идёт об институте адвокатской тайны.

В ряду этических проблем, связанных с осуществлением защиты следует выделить вопрос возможности разглашения адвокатской тайны в тех, или иных, обстоятельствах.

В частности, как поступить адвокату-защитнику с позиций профессиональной этики, если ему стало известно о планируемом его подзащитным противоправном деянии?

Данный вопрос очень сложный и не имеет однозначного, линейного решения – не имеет того универсального «рецепта», который был бы применим в любой ситуации.

Решая его в каждом индивидуальном случае, адвокату-защитнику следует, как представляется, ориентироваться не на правовые предписания, а на своё внутренне представление о нравственной возможности, либо невозможности сохранения информации, полученной от подзащитного, в тайне в соответствующих ситуациях.

Если взять за основу идею о том, что следует нормативно определить общие критерии допустимости разглашения адвокатом адвокатской тайны, то такие положения следует конкретизировать. Думается, что речь должна идти о тяжком или особо тяжком преступлении против жизни и здоровья.

Решение о возможности раскрытия подобной информации должно приниматься адвокатом самостоятельно, на основе собственных нравственно-этических представлений о мере должного.

Кроме того, нельзя забывать и о возможности адвоката реализовать свое право обратиться в Совет соответствующей адвокатской палаты субъекта Российской Федерации за разъяснением на этот счет, в котором ему не может быть отказано.

Таким образом, представляется, что законодателю следует продолжать совершенствовать нормативные основы участия адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве, тем самым создавая дополнительные гарантии законности и объективности процессуальной деятельности.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Адвокат в уголовном процессе: Учебное пособие для вузов / под ред. В.И. Сергеева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. 320 с.
2. Адвокат: навыки профессионального мастерства / под ред. Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой. – М. : Волтерс Клувер, 2006. 270 с.
3. Адвокатская деятельность: Учебно-практическое пособие / под общ. ред. канд. юрид. наук В.Н. Буробина. – М. : Статут, 2005. 604 с.
4. Адвокатура в России / под ред. А.А. Власова - М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2008. 288 с.
5. Анисимов В.Ф. Пределы адвокатской тайны // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 3. С. 60-65.
6. Ария С.Л. Об адвокатской тайне // Российская юстиция. 1997. №2. С. 35-37.
7. Артамонова Е.А. А нужен ли на следствии защитник-неадвокат? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 60-67.
8. Баева Н.А. Реализация профессиональных прав адвоката-защитника в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 151-157.
9. Баранов А.М. О моменте допуска и обязательном участии защитника в досудебном производстве по УПК РФ // Законодательство и практика. 2002. № 1. С. 15-18.
10. Барщевский М.Ю. Адвокатская этика. – М.: Профобразование, 2000. 205 с.
11. Безлепкин Б.Т. Судебная система, правоохранительные органы и адвокатура в России: Учебник. - М., 2001. 407 с.
12. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – М. : Норма, 2005. 507 с.

13. Бойков А.Д. Принципы адвокатской этики // Адвокатская практика. 2003. № 1. С. 12-19.
14. Бойков А.Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. – М.: Юридическая литература, 1978. 189 с.
15. Водяник Е.А. Возможность участия в уголовном процессе в качестве защитника «иных лиц» // Адвокат. 2012. № 12. С. 58-60.
16. Волкова А.Г. Защитник в предварительном расследовании по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. 270 с.
17. Воронов А. В мировом суде адвокат не нужен? // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 33-36.
18. Всеобщая декларация прав человека (принята 10.12.1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН) // Российская газета. 1995. 5 апреля.
19. Герасимов Ю.Е., Червяков М.Э. Этические основы взаимодействия адвоката-защитника со своим доверителем на стадии предварительного расследования // Эпоха науки. 2018. № 14. С. 52-55.
20. Дабижа Т.Г. Проблема исключений из привилегии адвокатской тайны: зарубежный опыт // Адвокатская практика. 2013. № 1. С. 20-23.
21. Дорошева А.А. Некоторые проблемы участия адвоката-защитника по уголовным делам // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 285-289.
22. Жеребцова Т.И. Адвокат-защитник и специалист: проблемы совершенствования законодательства // Федеральное законодательство об адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: Мат. междунар. науч.-практ. конф. - Екатеринбург, 2004. С. 122-125.
23. Зайцева И.А. К вопросу о процессуальном оформлении адвоката в качестве защитника подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу на предварительном расследовании // Следователь. Федеральное издание. 2003. № 6. С. 16-20.

24. Закомолдин А.В. Институт адвокатской тайны: проблемы и решения // Материалы IX Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» // Актуальные проблемы юридической науки. Часть II. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2012. С. 175-178.

25. Закомолдин А.В. Квалифицированная юридическая помощь в уголовном процессе России: понятие, содержание, гарантии. Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Самара, 2007. 22 с.

26. Закомолдин А.В. О реализации конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь в нормах уголовно-процессуального законодательства // Проблемы российского законодательства: история и современность. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. г. Тольятти, 6-7 февраля 2004 г. / филиал Самарской гуманитарной академии в г. Тольятти / Отв. ред. Р.В. Закомолдин. - Тольятти, 2004. С. 123-128.

27. Закомолдин А.В. Проблемы оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе России. – М. : Юрлитинформ, 2009. 168 с.

28. Земская Н.В. Проблемы адвокатской этики на современном этапе становления российской адвокатуры // Актуальные проблемы российского права. Сборник научных трудов. Вып. 1. – М., 2005. С. 297-303.

29. Карякин Е.А. Вовлечение специалиста в уголовное судопроизводство и последующая оценка его заключения и показаний // Современное право. 2006. № 6. С. 77-85.

30. Кодекс профессиональной этики адвоката от 31.01.2003 г. // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. № 3.

31. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS №5 (заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

32. Копылов И. Адвокат должен иметь не только права, но и обязанности // Российская юстиция. 1999. № 10. С. 35-37.

33. Корневский Ю.В., Падва Г.П. Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству: Практик. пособие. – М. : Юристъ, 2004. 220 с.
34. Кронов Е.В. Вступление адвоката в уголовное дело в качестве защитника: проблемы теории и практики // Адвокат. 2007. № 10. С. 30-36.
35. Кудряшова Е.В. Проблемы разглашения адвокатской тайны // Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2008 года: По материалам VI Международной научно-практической конференции 17-18 апреля 2009 г. – М. : Статут, 2010. С. 112-120.
36. Куликова Т.Е. Проблемы законодательного определения лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве в качестве защитников // Российский следователь. 2007. № 4. С. 9-15.
37. Купрейченко С.В. Защитник в уголовном процессе на стадии предварительного расследования: Автореф. дис... канд. юрид. наук. - М., 2007. 21 с.
38. Кучерена А.Г. Адвокатская тайна // Законность. 2003. № 2. С. 47-52.
39. Лазарева В.А. Некоторые вопросы реализации участниками уголовного судопроизводства конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи // Федеральное законодательство об адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 190-197.
40. Лазарева В.А. Роль адвокатуры в повышении качества и эффективности уголовного судопроизводства и некоторые гарантии ее реализации // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Сборник научных статей / под ред. В.А. Лазаревой. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2005. С. 20-31.
41. Ларин А.М. Доказывание и предпроцессуальная деятельность защитника // Адвокатура и современность – М., 1987. С. 81-87.

42. Ларин А.М. Защита от обвинения и подозрения // Общая теория прав человека. – М. : Норма, 1996. С. 196-201.
43. Лубшев Ю.Ф. Адвокат в уголовном деле: Учебно-практическое пособие / Под ред. И.Б. Мартковича. - М., 1997. 190 с.
44. Лукошкина С.В. Иммунитеты в российском уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2005. 205 с.
45. Манова Н.С. Адвокатская тайна в уголовном судопроизводстве: проблемы обеспечения и реализации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 2. С. 203-210
46. Маргарян А.А. Участие защитника в собирании доказательств в уголовном процессе // Право. Адвокатура. Нотариат: сборник материалов межвузовских научных чтений. Вып. 11. – М., 2014. С. 202-207.
47. Марков А.Н. Правила адвокатской профессии в России. – М. : Статут, 2003. 301 с.
48. Маслов И. Адвокатское расследование // Законность. 2004. № 10. С. 36-45.
49. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. №12.
50. Мепаришвили Г.Д. Адвокатская тайна и тайна других видов судебного представительства в уголовном процессе // Проблемы прокурорско-следственной и судебно-экспертной практики: Сборник научных трудов. – Тбилиси, 1993. С. 73-78.
51. Надысева Э.Х. Некоторые проблемные аспекты участия адвоката как защитника в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 175-179.
52. Насонова И.А. Об эффективности участия защитника в следственных действиях // Российский следователь. 2008. № 23. С. 18-23.

53. Пилипенко Ю.С. Отечественная доктрина об абсолютности или относительности адвокатской тайны // Адвокатская практика. 2009. № 6. С. 16-22.
54. Подольный Н.А. Законодательные основы нравственной деятельности адвокатов // Адвокатская практика. 2005. № 2. С. 10-15.
55. Положение об адвокатуре РСФСР от 20.11.1980 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1980. №48. Ст. 1596. (Документ утратил силу)
56. Попов А.М., Ментюкова М.А. Защитник, кто он: адвокат, юрист, близкий родственник? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 231-235.
57. Попов В.С. Участие адвоката защитника в процессе доказывания на стадии предварительного расследования в суде первой инстанции. Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2005. 23 с.
58. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2001 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева» // СЗ РФ. 2001. № 48. Ст. 4551.
59. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П «По делу о проверки конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.
60. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гиттиса и С.В. Абрамова» // СЗ РФ. 1997. № 7. Ст. 871.

61. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.06.1978 г. № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1978. № 4.

62. Постановление Правительства РФ от 01.12.2012 г. № 1240 «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. 6). Ст. 7058.

63. Потокина О.В. Участие защитника в следственных действиях (современные уголовно-процессуальные и тактические проблемы). Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2001. 25 с.

64. Потокина О.В. Участие защитника в следственных действиях (современные уголовно-процессуальные и тактические проблемы). Дис... канд. юрид. наук. – М., 2001. 207 с.

65. Приказ Минюста России от 05.10.2016 г. № 223 «Об утверждении формы удостоверения адвоката и порядка его заполнения» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 14 ноября 2016 г. № 46.

66. Процыков С.Е. Понятие и признаки принципов уголовного судопроизводства // Правовая идея. 2013. № 7. С. 5-11.

67. Решение Совета Палаты адвокатов Самарской области от 27.02.2014 г. №14-02-12/СП «О проекте «Школа молодого адвоката» (вместе с Положением о «Школе молодого адвоката) // <http://www.paso.ru/ru/for-pretendentov/shkola-molodogo-advokata>.

68. Решение Совета Палаты адвокатов Самарской области от 31.10.2019 г. № 19-10-07/СП «О видах и формах повышения квалификации

адвокатов, подлежащих зачёту в счёт обязательного повышения квалификации» // <http://www.paso.ru/ru/dlya-advokatov/2150-190>.

69. Россинская Е.Р. Использование специальных знаний в адвокатской деятельности (по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях) // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. – Екатеринбург, 2002. С. 119-125.

70. Россинский С.Б. Обеспечение защитника с момента фактического задержания: как превратить правовую утопию в действенную гарантию // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 68-71.

71. Рыжаков А.П. Защитник в уголовном процессе. – М. : Экзамен, 2007. 479 с.

72. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят 09.12.1988 г. Резолюцией 43/173 на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Правовые основы деятельности системы МВД России. Сборник нормативных документов. Т. 2. – М. : ИНФРА-М, 1996.

73. Смоленский М.Б. Институт адвокатуры в системе функционирования гражданского общества и государства в России. – Ростов н/Д., 2005. 335 с.

74. Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: Дис... д-ра юрид. наук. – Иркутск, 1998. 360 с.

75. Стандарт профессионального обучения и повышения профессионального уровня адвокатов и стажёров адвокатов (принят Девятым Всероссийским съездом адвокатов 18.04.2019 г.) // <http://www.paso.ru/ru/dlya-advokatov/2077-124>.

76. Таран А.С. Адвокатская тайна и интересы общества // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Право. 2005. № 2. С. 151-158.

77. Тарасов А.А. Об участии стороны защиты в использовании специальных знаний по уголовным делам // Федеральное законодательство об

адвокатуры: практика применения и проблемы совершенствования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 276-279.

78. Тарасов А.А. Об участии стороны защиты в назначении и производстве экспертиз по уголовным делам // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Сборник научных статей / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Лазаревой. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2005. С. 33-45.

79. Трунов И. Л., Трунова Л. К. Адвокатская тайна в свете реформ правового регулирования // Закон и право. 2002. № 4. С. 16-20.

80. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

81. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

82. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 г.) // Действующее международное право. Т. 1. – М. : Московский независимый институт международного права, 1996.

83. Федеральный закон от 04.07.2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

84. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

85. Фомин М.А. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство). – М. : Издательство «Юрлитинформ», 2004. 590 с.

86. Цыпкин А.Л. Адвокатская тайна // Вопросы адвокатуры. 2001. № 2 (30). С. 69-75.

87. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – Тольятти, 1998. 178 с.

88. Шмарева Т.А. Назначение адвоката-защитника дознавателем, следователем, прокурором, судом // Актуальные проблемы гражданского права и процесса. Сборник материалов международной научно-практической конференции (посвященной памяти и 70-летию со дня рождения проф. Я.Ф. Фархтдинова). Вып. 2. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2006. С. 570-275.